

АЛЕКСЕЙ КОНОНОВ

ЧЕЛОВЕК

Алексей Кононов

ЧЕЛОВЕК

«Издательские решения»

Кононов А.

ЧЕЛОВЕК / А. Кононов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902826-6

«Ч Е Л О В Е К» — третья книга из серии «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ». Алексей Сказов — оперинженер и магию ненавидит. Его задача — ловить лжебогов, колдунов, возомнивших себя всемогущими. Но если один из них зачарует целый подъезд, повесит на Сказова убийство ребенка и скроется... как удержаться и самому не переступить черту дозволенного!? Особенно когда знаешь, что чародей действует под прикрытием того, кто причастен к исчезновению твоей невесты и гибели отца.

ISBN 978-5-44-902826-6

© Кононов А.
© Издательские решения

Содержание

СЕРИЯ «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ»	6
ИНТУИТ	6
ЛОГИК	7
ЧЕЛОВЕК	8
ЧЕЛОВЕК	9
глава первая	9
глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ЧЕЛОВЕК

Алексей Кононов

Корректор Галина Андреева

Литературный редактор Галина Андреева

Художник Сергей Фурнэ

© Алексей Кононов, 2019

ISBN 978-5-4490-2826-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Санкт-Петербург, 2022 год.

С момента появления магии на Земле прошло шесть лет.

Отныне спокойной жизни угрожают колдуны-самоучки, в больницах снимают проклятия, а в университетах учат совсем не тем профессиям, что раньше.

Алексей Сказов – оперинженер и магию ненавидит. Его задача – ловить лжебогов, колдунов, возомнивших себя всемогущими. Но если один из них зачарует целый подъезд, повесит на Сказова убийство ребенка и скроется... как удержаться и самому не переступить черту дозволенного!? Особенно когда знаешь, что чародей действует под прикрытием того, кто причастен к исчезновению твоей невесты и гибели отца.

СЕРИЯ «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ»

ИНТУИТ

ЛОГИК

ЧЕЛОВЕК

ЧЕЛОВЕК

глава первая ИНЖЕНЕР

С самого утра льет дождь.

Печка старенькой девятки барахлит, а потому регулятор тепла сейчас выкручен до предела. Плевать, что не зима: когда приходится заезжать в такие районы – мороз по коже. И дело тут вовсе не в погоде.

Матерюсь, попадая колесом в очередную выбоину. Асфальт во дворе уже давно никто не ремонтировал. Быстренько ныряю на свободное место, глушу уставший мотор, нехотя открываю дверь. В салон врывается промозглый воздух.

Вздыхаю. Что делать – работа.

За шиворот ползут настырные капли, воротник свитера не спасает.

Так, что тут у нас? Улица Нефтехимиков, дом двадцать два. Вроде все правильно. Простили проверить именно этот адрес.

Надежда на «авось обойдется» угасает с невиданной скоростью, когда на крыльце интересующего меня подъезда я замечаю белобрысого паренька на вид лет восьми. Сидит на скамейке под проливным дождем. И курит. Да не просто сигареты, а «Беломор» без фильтра. Таких уже давно не выпускают. Где только раздобыл? Наверное, из старых запасов деда умыкнул.

– Привет. А тебе родители курить разрешают?

Мальчишка поднимает не по возрасту мудрые глаза, затем переводит взгляд на дымящуюся папиросу да так и замирает.

– Намокла... – наконец произносит он бесцветным голосом.

Окурок падает под ноги рядом с другими, их на мокром асфальте уже с десяток. А мальчонка лезет в насквозь промокшие шорты, достает пачку, вынимает другую и закуривает снова.

Зациклило. Придется повозиться...

Снимать последствия чужих действий – не самая любимая моя специализация. Без умело зачарованного пантакля не обойтись.

Оттянув ворот свитера, лезу за болтающейся на шее медяшкой. Холодный дождь тут же проникает внутрь, стекает аж до самого пояса. Морщусь.

– А ну-ка, дотронься вот до этого, – как можно беззаботнее говорю пареньку.

Он недоверчиво смотрит на меня. Где-то в глубине сознания бьется живая душа, стремясь вырваться из оков, в которые ее заключили чужие недозволенные слова.

– Смелее, – поторапливаю я. – А потом отведу тебя к маме. Ты ведь давно ее не видел?

У пацана начинает дрожать рука. Похоже, он давно не видел свою мать. Может, неделю, а то и две. Надеюсь, она еще жива.

Суть в том, что он сам должен захотеть прикоснуться к пантаклю. Насильно впихивать «лекарство» – дело неблагодарное. Ничего не произойдет. Но я вижу, что он хочет дотронуться, хочет спастись. И только чужая воля не дает ему этого сделать.

– Мама... – срывается с его губ, – да, мама давно ждет.

«Ну, давай же!» – с волнением наблюдаю я, но снаружи остаюсь доброжелательным дядей. Хотя уже давно пора бить тревогу. Совершенно точно – зачаровали весь подъезд, а может быть, и дом!

Мальчишка дотрагивается до амулета. Одно мгновение – и не по годам умудренного взгляда больше нет. Вместо него в глазах появляются детская наивность, доверчивость, открытость. И... слезы.

Последние гораздо крупнее капель дождя.

– Я курил? – сквозь рев спрашивает он.

– Нет-нет... что ты, – успокаиваю я. – Ты просто болел, а сейчас полностью здоров!

В этот момент откуда-то сверху раздается отчаянный вопль. Поднимаю голову: из окна третьего этажа выглядывает озлобленное лицо мужчины лет пятидесяти.

– Знаешь его? – спрашиваю и быстро лезу в карман брюк за мобильником.

– Это Владимир Николаевич из сорок третьей квартиры.

Черт! Сеть не ловит. Как некстати... Раздраженно сую трубку назад, а потом говорю:

– Тебя как зовут?

– Афанасьев Никита, – с готовностью отзывается он.

– Никита, я тебе сейчас машину открою и печку включу. Она плохая совсем, еле работает.

Но хоть что-то. Ты пока погреешься, а я за родителями твоими схожу.

Смекнув, что его не собираются ругать за курение, Никита вмиг успокаивается и послушно кивает головой. Даже не помнит, что секунду назад с ним творилось неладное.

– А у моего папы такая же машина, только вишневого цвета! И тоже печка не работает...

– Это хорошо, что ты повеселел, – радуюсь я.

Это чертовски хорошо! Значит, недолго на нем висело колдовство. Самые маленькие умеют сопротивляться, потому что в них жизнь бьет ключом. Со взрослыми все гораздо сложнее.

– Владимир Николаевич сделал что-то плохое? – допытывается мальчишка, когда я усаживаю его на переднее сиденье.

– Не знаю пока... разберемся. Только пообещай мне, что не выйдешь из машины. Договорились?

Никита послушно кивает.

– Я знаю, что он сделал. Он... странный был. В новостях таких людей часто показывают. И еще я знаю, кто вы!

– А ты догадливый! В школе, небось, отличник?

– Хорошист, – вертит Никита головой, осматривая приборную панель. – Ну, вы идите, вам же надо, я вижу. Обещаю ничего не трогать.

Пока я, направляясь к подъезду, думаю, что сейчас сделаю с этим сукиным сыном Владимиром Николаевичем, в трубке, наконец, слышатся гудки!

– Спокойнее, Лёша, – вместо «алло» раздается в динамике.

– Уж сам разберусь, Виталик. Давай всех по адресу: город Кириши, улица Нефтехимиков, дом двадцать два.

– Совсем плохо?

– Совсем, – отвечаю и сбрасываю вызов.

Пока наряд приедет, пройдет часа полтора.

Долго. Очень долго.

Дверь в подъезде, похоже, еще со времен Советского Союза. Отзывается противным скрипом, когда я осторожно открываю ее одной рукой. Другой держусь за пантакль. И не напрасно: прямо над головой на облупившемся потолке еле заметно начерчена пентаграмма. Не окажись у меня этой вещицы – быть беде.

Пентаграммы работают, только когда нарисованы правильно: без грубых искажений и недостатков в написании латыни, сплошными непрерывными линиями.

Дотянувшись до круга, соскребаю ногтем несколько символов. Ловушка перестает быть активной, а сверху вновь доносится вой бешеной собаки. Только вот собака эта некогда была человеком, пока не утратила остатки мозгов.

Трижды внимательно осматриваю лестничный пролет: зловещих кругов с дьявольскими звездами не видно. Ступаю на первую ступеньку. Вторую. Третью. Сверху раздается скрип, предположительно, как раз на третьем этаже.

– А вот ни хрена у тебя не выйдет! – долетает, отскакивая от стен, раздраженный голос.

Недолгая возня, и Владимир Николаевич, заржав во всю глотку, удаляется обратно. Чувствую, как напряжение в воздухе постепенно исчезает, холод, пусть и не окончательно, отступает.

Значит, снял чары или направил в другую сторону.

Медленно, шаг за шагом, поднимаюсь до третьего этажа. Дверь с номером сорок три старая, деревянная. В наше время железные ставят те, кто желает защититься, а такие вот – оставляют нараспашку, мол, входи, коли не трус.

Достаю из кобуры пистолет. Придирчиво осматриваюсь вокруг: нет ли ловушек.

Все поверхности чистые.

Уже потянувшись к дверной ручке, чувствую тут что-то неладное, спохватываюсь и вовремя отдергиваю руку. Пространство вокруг нее так и звенит от напряжения. Того и гляди шархнет разрядом неизвестно чего.

Прикладываю медный пантакль обратно к груди. Ближе к сердцу. Так, говорят, лучше: сила приходит правильная... Бормочу защитную мантру, а вслед за ней боевую.

Секунд сорок буду неуязвимым к воздействию второго и отчасти третьего уровней. Если же Владимир Николаевич каким-то образом овладел силой сверх третьего, тогда... но лучше об этом не думать.

«Ничем он таким не овладел», – успокаиваю себя. Наверняка рядовой алкаш, в котором проснулась сила. Сейчас таких пруд пруди. А водка плюс новые способности равно поехавшая крыша. Причем поехала она в кратчайшие сроки. Месяца два-три. Однако находчивый оказался, смекнул, что искать в Интернете. Тут и высоких скоростей не надо, так, скачал пару книжечек – и привет, да здравствует новоиспеченный маг с манией величия. Не ровен час, богом себя объявит.

Видали мы таких богов и богинь: сплошь шушера, маньяки двадцать первого века, которые, заполучив на халяву силу, утратили человечность и провозгласили себя великими.

Пантакль заработал на полную катушку, гнев подхлестывал, притупляя инстинкты самосохранения.

Ну, с Богом! На этот раз с настоящим... Теперь не то что дверь, десяток взрослых мужиков не проблема.

Выламываю полотно, обдирая костяшки пальцев до крови. Сломанные чары трещат, но вреда не причиняют. Еще тридцать секунд – не успею, помру. Вваливаюсь в прихожую, четко оценивая обстановку: прямо по курсу кухня, на столе бутылки с коньяком – отмечал, мерзавец, собственную коронацию, в воздухе витает сильный перегар. Направо – еще две комнаты. Тут же бросаюсь в зал и... поскальзываюсь на бутылке! Нога предательски устремляется к потолку, а затылок, наоборот, к полу. Тело с грохотом принимает горизонтальное положение.

Из дальней части коридора, где находится зал, доносится хохот.

Я свирепею.

– Я инженер Алексей Сказов, прошу сдать без боя! – фраза звучит так неубедительно, что я и сам не верю. – Хотя с удовольствием прикончу тебя, ублюдок.

– Ну, попробуй, инженер! Только пшикалку свою убери, не поможет.

Остается двадцать секунд...

Не боится, значит, пистолета. Дело дрянь! Но дороги назад нет.

Пулей влетаю в зал и... озираюсь в пустоте. Никого. Только огромная кроваво-алая пентаграмма на стене. Владимир Николаевич, словно призрак, неожиданно появляется сзади. Удар по голове напрочь лишает меня способности трезво соображать, отшвыривая в сторону, как тряпичную куклу. Будто и нет во мне восьмидесяти с лишним килограммов.

Опытного инженера обыграл пенсионер в резиновых тапочках, рваных тренировочных штанах и замусоленной майке... Комично и невероятно стыдно!

Остается десять секунд. С трудом поднимаюсь на ноги. Слегка пошатывается, кажется, сейчас вырвет. Заработал сотряс, не иначе. Но силы еще есть. На один завершающий удар хватит.

Рывком бросаю себя к противнику, на ходу впустую щелкая пистолетом. Бесполезно. Пули отказываются лететь в цель. Зато кулак с наслаждением настигает челюсть. Владимир Николаевич слегка удивлен тем, что я смог подняться после такого удара, а потому стоит неподвижно, пока могучая сила не впечатывает его в потолок.

Сыплется штукатурка, противник вместе с ней оседает на пол.

Все кончено.

Остается ноль секунд.

Успел!

Пантакль перестает действовать. Подхожу к пентаграмме и яростно сдираю виниловые обои с цветочками, на которых она нарисована. Больше он не сможет колдовать. Никогда. Уж в этом никаких сомнений.

Направляю ствол пистолета в голову Владимира Николаевича. Резкий телефонный звонок возвращает к реальности: всеведущий Виталик даже за сотню километров чувствует, что я собираюсь сделать. Однако же он не может знать наверняка, как все случилось, верно? Верно.

И с этой мыслью я нажимаю на спусковой крючок.

Физические законы действуют во всю мощь – пентаграммы-то больше нет. Пуля послушно выстреливает и ложится прямехонько между глаз нерадивого мага.

Телефон умолкает.

Под ногами шуршит всяческий мусор: обертки от «Кит Ката», недоеденная шоколадка «Аленка», несколько банок «Ред Булла», ненавистная бутылка, на которой угораздило поскользнуться. Пинком отшвыриваю ее в сторону, та разбивается на множество осколков, ударившись о тупой угол стены. Выхожу на лестничную клетку и оглядываюсь: дверь, к сожалению, прикрыть не получится. Жильцы, когда придут в себя, обязательно заглянут и обнаружат убитого соседа. Шуму поднимется!

Ну и черт с ними.

Отправляюсь вверх по этажам. Найти бы сейчас родителей Никиты. Мать, конечно, будет в шоке, но самое страшное уже позади. Это главное.

Обезвредив оставшиеся ловушки – их обнаружилось еще три, начинаю звонить в квартиры. Наконец мне открывают. Взрослый мужчина с трехдневной щетиной и заплаканными глазами.

– Помощь нужна?

Он долго соображает, прежде чем неуверенно промямлить:

– Н-н-нет...

– Вы знаете, в какой квартире проживают Афанасьевы?

– Конечно, – уже более внятно отвечает он, – в сорок третьей.

– ЧТО???

– Ну да. Только Маринка сейчас в больнице. Там отец да сын, Никитка.

Внутри у меня все оборвалось.

Молнией проносится в голове поступивший запрос: обратилась женщина, просила проверить дом, звонила из больницы.

Кидаюсь вниз, забыв о всякой осторожности. Скорее, скорее проверить мальчика! Хотя пантакль больше и не дает сил, дверь подъезда с грохотом срывается с петель, когда я вываливаюсь на улицу. Дождь одержимо хлещет по лицу, вдалеке сверкает молния, раскатываясь тяжелыми ударами, над головой рокочет гром.

Рывком распахиваю дверь машины и... обмираю: передо мной сидит Никита. Точнее, его безжизненное тело. Из-под майки выглядывает черный круг. А во лбу зияет кровавая дыра.

Вновь звонит мобильник.

– Аллю.

– Леша, доложи обстановку, – просит Виталик.

Судорожно сглатываю.

– Алексей Сказов, доложите обстановку! – звучит приказ.

– Дом зачищен. Жильцы, кажется, в норме.

– Мертвые есть?

– Да. Двое.

– Личность убийцы установлена?

– Да. Алексей Сказов, – отвечаю я и сбрасываю вызов.

Старый «Панасоник» без помех не работал. Шипящим информационным питоном пробивался в эфир первый канал. Впрочем, это единственный канал, который ловила антенна, примотанная к батарее, поэтому не удивительно, что помехи были. На столе со вчерашнего вечера стояла початая бутылка «Путинки», а на мне мешком висел заношенный отсырелый свитер.

«Даже снять не удосужился, скотина», – вяло подумал я про самого себя.

Нечеловеческая головная боль удачно напомнила, что как раз человеком я и являюсь, пусть и оскотинившимся до края. Нет в мире другого живого организма, способного выпить два литра водки в одну харю и не мучиться поутру похмельем, попутно вспоминая, кто он и где находится.

– Вчера в городе Кириши произошел несчастный случай. В одном из домов по улице Нефтехимиков был обнаружен и впоследствии ликвидирован практикующий маг. К сожалению, жертв среди мирного населения избежать не удалось: среди погибших маленький мальчик. Инженерам не удалось сохранить невинную жизнь, – темноволосая телеведущая говорила бесстрастно, как судья, выносивший приговор.

– Инженеру... Одному-единственному инженеру, – поправил я неизвестно кого, потянувшись за бутылкой и, припав к горлышку, сделал несколько глотков.

Телефон зазвонил неожиданно громко, так что бутылка выпала из рук. Это был Виталик. Я принял вызов.

– Да выключи ты эту дрянь! – послышался разъяренный вопль в трубке.

– Меня порой жутко бесит, что ты знаешь обо мне несколько больше, чем хотелось бы.

Виталик раскаиваться не собирался:

– Работа такая, – отрезал он. – Дуй в офис. Шеф ждет.

– По мальчику выяснили?

– Да. Он сам с тобой поговорит.

– А может, лучше Машенька? Или Катя? Или ты, на худой конец, передашь... – я заранее знал, что избежать разговора с начальником не удастся, но попытка не пытка.

– Хрена с два я такой алкашне буду докладываться! – недружелюбно съязвил Виталик.

В чем-то он прав. Чем я отличаюсь от вчерашнего мага недоделанного? Разве что с ума еще не сошел, силу не распробовал. На темную сторону не переметнулся.

Но на этот случай у меня всегда пуля припасена.

Личная.

Для самого себя.

– Ладно, – хрипло бросил я в трубку. – Скоро буду.

Чего шеф не любит, так это когда его оперативные инженеры не контролируют время. Опоздавших отчитывает как школьников. Так и хочется на хрен послать. Но нельзя. Шеф, пусть порой и перегибает, однако сомнений в своей компетенции не вызывает: за последние шесть лет столько отморозков благодаря ему повязали!

Жаль, на тот свет всех отправить не удалось.

Ну, о последнем, допустим, только я один сожалею. Все-таки мы не убийцы. А высококвалифицированные работники инженерно-магической полиции, сокращенно ИМП. И в этой самой ИМП работают далеко не вояки, а простые граждане, некогда окончившие филфак, отделения радиоэлектроники, психологии и тому подобные. Окончить-то окончили, да только не ожидали, что мир с ног на голову встанет.

На кухне – шаром покати. Еда закончилась еще на прошлой неделе. А потому прямиком в прихожку, обуваться – и на улицу, на свет белый, подышать питерским последождевым воздухом.

Уже одевшись, исключительно ради приличия кидаю взгляд в зеркало и едва не содрогаюсь от увиденного: под глазами мешки, не мешало бы подстричься, вон патлы какие отрастил, да и щетина... Хотя это сейчас модно. Опять Машка будет ругать за свитер, а Катька демонстративно зажмет нос. Еще бы, после вчерашнего-то!

– А, ладно... выветрится, – успокаиваю я себя, перебарывая отвращение к собственной персоне.

Засунув служебный пистолет в кобуру, прячу последнюю под широким свитером и, захватив медяшку – мой пантакль зачарованный, выметаюсь на улицу.

Офис ИМП находился на Невском и располагался в здании бывшего книжного магазина «Зингер». После грянувших изменений на Земле многое пошло в упадок, в том числе и литература, которую подвергали нещадной цензуре, не жалея на это сил, денег и времени. Под запрет попала практически вся фантастика, которая так или иначе была связана с магическими искусствами. А дальше вообще пошло-поехало: тысячи писателей, особенно фантастов, остались без работы, книжные полки опустели. Из печатных изданий в городе можно было изредка встретить лишь канцтовары да учебники по русскому языку и математике.

Под строгий надзор попало буквально все.

Не дай Бог, если власти обнаруживали у кого-то дома захудалый романчик с описанием магической процедуры, – влетало по первое число! Ну а если это оказывался не роман, а, скажем, фолиант тысяча девятьсот какого-то там года под названием «Практическая магия» – лет пятнадцать в местах не столь отдаленных были обеспечены.

Вслед за литературой санкции коснулись игровых платформ, к примеру, активы компании «Близзард», выпускающей игры, и вся их волшебная вселенная полетели к чертям в первую очередь. В России за хранение обыкновенной игрушки типа «Варкрафт» на жестком диске, флешке или «сидюшнике» грозил условный срок. Почему только условный? Да потому что дети, не желавшие расставаться с кибер-развлечениями, тайком скачивали назад с зарубежных торрент-трекеров удаленные родителями игры.

Полиция, когда поступал очередной вызов по подозрению в использовании «запрещенных материалов», вслух поминала дьявола. В реальности это выглядело так: ни в чем, кроме своей страсти к игромании, не повинный парень неосторожно включал звук слишком громко, а какая-нибудь бдительная Тамара Васильевна, которая еще до запрета настрадалась от грохота нескончаемых баталий, войн, сражений эльфов с орками, стрельбы и прочего у себя за стенкой, тут же звонила в отделение. Благо по телевизору неустанно крутили общественные ролики,

призывающие сознательных граждан выводить нарушителей на чистую воду, а потому совесть соседки была кристально чиста. Сидя во дворе на скамейке, она с гордостью рассказывала товаркам о том, как оказала содействие полиции. Днем позже паренек, у которого изъяли винчестер, начал сводить Тамару Васильевну, а заодно и еще добрую половину подъезда с ума бесшабашной игрой на электрогитаре. И вызов в отделение полиции поступает опять. На этот раз за бесовские ритуалы.

И так на протяжении всех последних шести лет. Пять из которых я работаю в ИМП и безуспешно пытаюсь выяснить причины, заставившие планету Земля в две тысячи двадцать втором году превратиться в фэнтезийное RPG, где можно обернуть вспять законы физики, где пистолеты, несмотря на настоящие боевые патроны, отказываются стрелять, где лучше носить на поясе заточенный стилет, ибо он гораздо эффективнее гранаты, а еще лучше – нарисовать на полу обыкновенным мелом пентаграмму, которая откроет портал в черт знает куда, как это случилось на предыдущем вызове в гимназии номер пять.

До «Зингера» добрался быстро, минут за сорок. Учтывая, что шел пешком, результат неплохой. Голова прояснилась, похмелье практически отступило.

– Доброе утро, Леша. Ты не в форме, – это был Вадик, наш секьюрити, защитник святых, в прошлом обыкновенный охранник, а ныне сознательный законопослушный гражданин с магическими задатками.

– Что никоим образом не мешает мне ловить преступников! И тебе доброе, – не испытывая ни малейшей неловкости, я проскочил мимо.

Вадик был снабжен пантаклем – почти такой же медяшкой, как у меня, только классом ниже. А это означало, что он один сможет оборонять наш офис в случае нападения около получаса, превратившись почти в полубога. Конечно, до оперинженеров ему далеко, но, тем не менее, даже я не рискну с ним тягаться. Да и зачем? Пантакли у нас отличаются: мой рассчитан на быстрый бой, а его – на долгую изнуряющую твердолобую оборону.

В общем, все в соответствии со способностями и личными качествами.

Прямо на входе располагалась огромная пятиконечная звезда, заключенная в круг с множеством непонятных символов. Теоретически это была классическая латынь, хотя в разработках отдела инноваций черт ногу сломит!

Зато занимавшая своими острыми лучами большую часть пола звезда лишала возможности использовать любое огнестрельное и взрывчатое оружие на территории бывшего «Зингера».

ИМП принадлежала к официальной, почти государственной организации, хотя по телевизору слово «почти» из контекста всегда убирал. На самом же деле мы являемся вполне обособленной фирмой, которая в свое время выпросила соответствующее разрешение на исследования в области мистицизма, алхимии, эзотерики и прочей считавшейся ранее паранормальной лабуды. Каким-то образом начальству удалось доказать пригодность этих исследований обществу, наши деяния оценили по заслугам, и с тех пор фирма процветает: вызовы поступают каждый божий день. Обыкновенных граждан на работу в компанию не берут – только пробудившихся. Последними называются люди, в которых спонтанно проснулись способности к колдовству.

Обычно это происходит так: если вокруг тебя начинает твориться что-то неладное, ну, скажем, электроника сбоит, предметы двигаются, телевизор включается сам по себе или же голоса из потустороннего мира достают, то тебе надо либо в психушку бежать, либо проверить на предмет магических способностей. Кстати, без справки об удовлетворительном состоянии психического здоровья ни одна компания, занимающаяся переписью магического населения, проверять тебя не станет. Зато если утаишь внезапно открывшиеся таланты,

а ребята, подобные нам, это обнаружат, собирай манатки и будь готов занять место на тесной койке в камере тюрьмы для маг-населения.

Сегодня в «Зингере» людно. Посетители налетели, словно мухи на мед. Ну или кто там еще мед любит? Меня подобная суэта сразу же насторожила. Когда такое происходит, это обозначает одно: приехала шишка по важному вопросу.

– Алексей! Ты вообще в курсе, что тебя уже полчаса шеф дожидается? – Катька поймала меня возле кофемашины. Я медленно повернулся, давая понять, что на меня сейчас лучше не кричать – могу умереть от инсульта.

– Боже мой! – всплеснула она руками, приходя в негодование. – Да ты на бомжа похож.

Мирно киваю, мол, так оно и есть. Самый настоящий питерский бомж.

– Живо допивай и дуй в кабинет. Там по твою душу, говорят, приехали.

– Серьезно? Это из-за вчерашнего...

Мрачнею на глазах.

Катька, почуявшая перегар, морщит нос, но молчит. Если бы не знала, что вчера стряслось, устроила бы взбучку. А так понимает, что по-другому я не мог. Да и кто бы мог, интересно?

– Знаешь, Алексей, если бы ты не пил... Давно бы уже женился, детей завел. Но ты...

– Но я... Кать, но я...

Вздыхает. Знает, что меня не переделать. Знает и все равно надеется на лучшее.

Однако, увы, сударыня, такая жизнь.

Мир такой.

– Ладно, – смиряется она. – Зайди к Маше, она... впрочем, кому как не тебе знать, по какому поводу каждый мужик, работающий в «Зингере», обращается к Марии.

Послушно киваю. Катька – роскошная баба: блондинка, ноги-спички, грудь упругая, талия – картины рисуй! Могло бы у нас с ней что-то срастись, да... ни к чему это не приведет.

Допив кофе, выбрасываю стаканчик и покорно направляюсь на второй этаж к Марии. Главное, мимо кабинета шефа проскочить, он первый по коридору.

Проходя мимо дубовой двери, слышу: «Да где ж его черти носят?».

Шеф в ярости. Ничего, скоро буду. Потерпи еще минутку-другую.

Маша всегда на своем рабочем месте. Кому-кому, а ей новый мир нравится. Да еще как! Готова днем и ночью не вылезать из лаборатории. Бывшая медсестра Мария Жданова работает в ИМП практикующим алхимик-целителем, чертит пентаграммы, комбинирует мантры, изучает воздействие на организм человека того или иного символа.

Порой я жутко, до коликов в животе завидую ее жизнелюбию.

– Машка, нужна срочная медицинская помощь!

Она сидит у компьютера и что-то старательно вычерчивает в Autocad. Наверное, вымеряет градус угла одной из линий звезды, при котором пентаграмма станет работать эффективнее.

– Когда же вы, мужики, пить-то бросите? – устало доносится в ответ.

Не пытаюсь оправдаться, пожимаю плечами.

– Вставай! – командует она и добавляет: – Знаю, тебя шеф ждет.

– Ты святая, – я послушно застываю на одной из нарисованных на полу шестиугольных звезд.

– Ага... конечно. Поэтому вы все ко мне и бегае с похмелья.

Приблизившись, Машка кладет руки мне на плечи. Начинает происходить что-то невозможное... Сила приходит в движение. Внутри меня будто оживает второй я. Оживает и, сконцентрировав на себе мое дерьмовое состояние, вместе с ним бесследно исчезает. Куда? Да Бог его знает. Просто нет больше никакого похмелья. Раз – и все!

– Премного благодарен! – чмокаю ее в щеку.

– Лучше бы Катю в кафе позвал, а не меня, замужнюю, между прочим, женщину, целовал. Вот уж кому с женой повезло, так это Машкиному мужу. Пускай она пропадает на работе с утра до ночи, пускай мало внимания уделяет, зато верная. Многие тут к ней клинья подбивали, да всем отказала. Один только я в стороне стоял – так шутил, конечно, случилось, но все понимали – ничего серьезного.

– А я думал, у нее новый ухажер появился...

Маша смерила меня презрительным взглядом:

– Ну и брехло же ты, Сказов!

Обман не удался: сообразительная...

Я сконфуженно вздохнул.

К шефу зашел без стука – не любит он эти формальности, а я уважаю его нелюбовь к ним. Однако в этот раз субординация бы не помешала. За овальным ореховым столом сидели две женщины, старая и молодая, во главе – мой начальник. Мое внезапное появление прервало оживленную беседу, хотя по всему было видно, что это скорее допрос, чем обыкновенный разговор. А судя по толстым папкам с делом номер двести двадцать один, предмет допроса – я сам.

– Сказов, где тебя носит? – раздраженно, но с облегчением поинтересовался руководитель санкт-петербургского отдела инженерно-магической полиции Геннадий Ярославович Горыня.

Фамилия у шефа звучная, старорусская, а потому прозвища к нему липли одно за другим. Но закрепилось в итоге самое часто упоминаемое: Горыныч.

За время работы в ИМП я навидался всякого, но чтобы могучего Горыныча так издергали две дамочки, наблюдал впервые!

– У машины движок закипел. Старенькая совсем, – сокрушенно пожаловался я, усаживаясь напротив двух ревизоров, точнее ревизорш.

Шеф начал медленно, вкрадчиво и в то же время обвинительно:

– Движок, говоришь, закипел... Больше ничего?

Придав физиономии многозначительное выражение, я тут же пытаюсь сменить тему:

– Есть новости по Афанасьеву Никите?

– Да. Собственно, по этому вопросу тебя и вызвали, – как-то резко смягчившись, сообщает начальник.

Осторожно поворачиваю голову в сторону женщин. Теперь понятно, из-за чего шеф рвал и метал в ожидании меня минут уже как сорок. Та, что постарше, с зачесанными назад поседевшими волосами и совдеповской офицерской выправкой, одета в аскетически строгий безвкусный костюм. Острые черты лица, напряженный буравящий взгляд, из макияжа – однотонная помада почти в цвет кожи. Сдается мне, сушая мегера. Интересно, из какой инстанции ее сюда занесло? Или, правильнее сказать, из какого времени?

Зато вторая – скорее всего, протеже старшей – обладала вполне привлекательной внешностью. На вид лет двадцать пять. Рыжая. На переносице проскакивают забавные веснушки. Совершенно идентичный костюм, зато косметикой не пренебрегает и губы красит в вызывающий розово-красный цвет. А еще от нее пахнет парфюмом! За это она наверняка получает нагоняй от старшей.

И выбрала же ты себе судьбу, девочка!

– Алексей Сказов! – сухо обратилась ко мне старшая. – Меня зовут Аделаида Петровна, я главный следователь по делам с маг-населением.

– Следователь? Так меня хотят обвинить?

Следователи в основном работали с особо тяжкими нарушениями среди лиц, представляющих в некотором роде закон. Они устраивали проверки, проводили аттестацию, штрафовали, а в некоторых случаях и сажали за решетку.

– У департамента к вам есть вопросы, которые хотелось бы прояснить, – Аделаида Петровна говорила точь-в-точь по шаблону. Я и сам так делаю, прежде чем задержать виновного или убить...

– Вчера я направил рапорт о случившемся. Не думаю, что мне есть что добавить.

– И все-таки будьте так любезны, ответьте на мои вопросы.

Я невольно опустил голову:

– Спрашивайте.

В руках у следователя откуда-то появился листок, глядя в который, она стала монотонно читать:

– В вашем рапорте сказано, что вчера, пятого августа две тысячи двадцать второго года, в семнадцать часов сорок пять минут вы прибыли по адресу: город Кириши, улица Нефтехимиков, дом двадцать два. Вы отреагировали на вызов в соответствии с уставом вашей компании.

– Все верно, гражданин следователь.

Она одобрительно кивнула.

– В ходе обезвреживания дома вами был обнаружен ребенок, Никита Афанасьев. Предположительно, ребенок находился под чужим воздействием, воля его была подавлена, сознание присутствовало частично. Скажите, как вы определили, что мальчик не в себе?

– Он курил. Не шел на контакт. Не осознавал, что делает.

– И все?

– А этого, по-вашему, мало? – огрызнулся я.

– У ребенка мог быть стресс, психическое расстройство. Такое поведение не повод для того, чтобы заключить наличие чужого воздействия.

– Слушайте, дамочка, вы часто видели семилетнего пацана, выкурившего полпачки крепких сигарет и сидящего под проливным дождем в одних шортах и футболке?

– Леша! – гаркнул шеф. – Успокойся. Они просто восстанавливают картину происшедшего.

Вот у кого стальные нервы. Как по мне, так я бы уже послал эту особу ко всем чертям.

– Спасибо, – холодно кивнула она Горынычу и невозмутимо продолжила: – Итак, допустим, воздействие на ребенка все-таки было оказано. Что вы предприняли?

– Снял его. Достал пантальон и развеял колдовство. Как обычно.

– Что случилось потом?

– Парень стал нормальным. Живым. Испугался, что курил, но я его успокоил, – ответил я.

– И?

– Как только я развеял наваждение, в окне третьего этажа показалось лицо мужчины.

Это и был практикующий маг.

– Мальчик видел его, как и вы?

– Да.

– И он не узнал в нем своего отца? – подозрительно уставилась на меня следователь.

– Нет. Он назвал его по имени-отчеству. Вел себя так, словно это чужой человек, сосед.

– А потом?

– Я посадил паренька в машину. Он смышленным оказался. Обещал ничего не трогать. Включил печку, чтобы тот мог согреться. И отправился в подъезд, задержать мага.

– Вы указали, что в подъезде обнаружили несколько пентаграмм, – добавила Аделаида Петровна.

– Верно. Я все обезвредил.

– Какого рода они были?

– Не знаю. Не было времени разглядывать. Судя по состоянию, дом был зачарован уже пару недель. Поэтому я стер символы и поднялся наверх.

– Что случилось, когда вы проникли в квартиру?

– Да ничего особенного, рядовая стычка. Маг оказался дилетантом, хотя сила его близилась к третьему уровню.

– Но как вы поняли, что он дилетант? – не унималась Аделаида Петровна.

Я ответил незамедлительно:

– Пентаграмма, с помощью которой он колдовал, находилась прямо на стене. Он даже не пытался спрятать ее – нарисовать на бумаге или на полу под ковром. К тому моменту сила уже свела его с ума. Он, черт его дери, обезумел! Понимаете?

– Прошу вас, сохраняйте спокойствие, – сухо попросила следователь. – Вы проникли в квартиру и сразу же обезвредили его?

– Не сразу. Он застал меня врасплох. Ударил по голове так, что я отлетел к стене. И не ожидал, что мне удастся подняться. Но до этого я прочитал защитную мантру.

– Вы убили его выстрелом в голову, так? – по-прежнему поглядывая на листок, допытывалась Аделаида Петровна.

В этом месте я немного подправил историю...

– Да. При ударе о стену случайно зацепил кусок обоев с пентаграммой. Как только физические законы снова пришли в норму, спустил курок.

– Что было после этого? – равнодушно звучал голос следователя.

– Пошел искать родителей Никиты, но в одной из квартир мне сказали, что мальчик проживает там, где была стычка с магом. Я бросился к машине, когда открыл дверь – он был мертв. В его голове зияла точно такая же дыра, как у мага во лбу! Вы это хотели услышать?!!

Аделаида Петровна вздохнула и покачала головой.

– Значит, вы понятия не имели о том, что их связывает печать?

– Нет. Только когда все закончилось, я увидел на груди у мальчика черную отметину.

– Вы знали, что подобное колдовство – я имею в виду печать, которая связывает две телесные оболочки, – доступно лишь при очень высоком уровне силы?

– Знал, но обучиться этому можно только в...

Внутри у меня все похолодело.

– Инженер пятого класса Алексей Сказов, я не буду ходить вокруг да около, – каждое слово падало тяжелым камнем, раздавливая меня. – Вы подозреваетесь в использовании служебного положения с целью проведения экспериментов над населением. Так как департамент пока не может установить вашу прямую причастность к этому и доказать вашу вину, вы будете находиться под наблюдением, которое осуществит Алиса Расколова. До окончания следствия вам запрещено покидать страну.

Я не верил своим ушам. Ладно, я заслуживаю обвинения в смерти мальчика, ведь это я, застрелив мага, убил и его. Но подозревать меня в экспериментах над населением? В преднамеренности содеянного? Что, черт возьми, происходит?

– Леша, мы разберемся! Сейчас главное – сохранять спокойствие. Слышишь? – сказал Горыныч.

Сумасшедшими от бешенства глазами я посмотрел на своего начальника.

– Подпишите, пожалуйста, эти бумаги, – скорее приказала, чем попросила главный следователь, сунув мне в руки какой-то документ. – И не устраивайте фокусов. Так будет лучше всего. Я думаю, мы поняли друг друга?

В кабинете остались двое.

Геннадий Ярославович молчал. Интересно, шеф убежден в моей невинности? Или принял слова следователя на веру? Если подумать, я ведь всегда выезжаю на вызовы один, без напарника: нет ни алиби, ни свидетеля, который мог бы подтвердить произошедшее.

– Если ты, Леша, думаешь, что я верю в инсинуации этой престарелой медузы, – ошибаешься, – вдруг сказал Горыныч.

– Шеф, там было только два мага – я и тот, из сорок третьей квартиры. И сил у него было никак не выше третьего уровня.

– Знаю, знаю... Но давай-ка сейчас хорошенько подумаем, это нам не запрещено в отличие от активного расследования. Если мальчишку околдовал не его отец, то кто?

– Тот, кто знаком с магической практикой не понаслышке. Следователь права – такую магию потянет только пятый класс и выше. А у этого алкаша ни ума, ни знаний. Скачал схему пентаграммы из Интернета и нарисовал. На глаз, на **ОБОЯХ!** Да он же идиот!

– М-да... – протянул Горыныч.

– Наши изучили символы на теле мальчика?

– Нет, ты же знаешь правила: за серьезные преступления отвечает департамент. Они перекрыли большинство путей в расследовании, в том числе и досмотр тела. К тому же тебя обвиняют, значит, ИМП не подпустят к мальчику.

– И что, мы теперь все спустим на тормозах? – возмущение кипело во мне.

– У нас нет выбора. Мы можем помогать им, но удаленно и только после того, как они поделятся материалами.

– Доедать с чужого стола. Ну уж нет!

– Ты – под следствием! – грозно рявкнул Горыныч. – Нос свой туда не суй – хуже сделаешь. Понял?

Напоминать начальнику о том, что дело касается лично меня, я не решился. Кто бы ни был этот третий маг, околдовавший мальчишку и подставивший меня, с ним необходимо покончить. Но делиться с шефом своими соображениями я, понятное дело, не стал.

– Позвольте хотя бы поговорить с матерью Никиты. Неизвестный маг должен был ошибаться рядом, возможно, удастся найти следы.

– Ну и упрямый же ты, Леша! Ох и упрямый! Мать, конечно, допросить можно, но, опять же, после департамента. Это я выбить смогу, однако ты к ней не поедешь. Другие оперинженеры займутся.

– Предлагаете сидеть сложа руки? – это было даже смешно, не по-доброму так смешно.

– Именно так. Считай, что ты отстранен от этого дела. А теперь иди. И радуйся, что тебе в надзиратели красивую бабу приставили.

– Тоже мне радость, – буркнул я, выходя из кабинета.

Алиса Расколова беззаботно дожидалась подле двери с чашечкой кофе в руке.

– Ну, боец, отстрелялся? – приветливо улыбнулась она.

Оставив ее реплику без внимания, прошагал мимо. Девчонка тут же спохватилась, избавилась от напитка и двинулась следом.

– А каблучки на службе не мешают? – все-таки подначил я.

– Что? Ах, это... Нет, я уже привыкла.

И тут меня прорвало. Ну не мог я больше сдерживать охватившего меня отчаяния. Резко повернувшись к ней, так что рыжая бестия оказалась неприлично близко, сдавленно выговорил:

– Слушай, девочка, а хочешь отпуск? Вот прямо сейчас, а? Не нужно будет целый день таскаться за мной – свободна! Сходишь по магазинам, купишь шмоток, отдохнешь, в солярии позагораешь. Обещаю не выдавать тебя этой твоей мегере в погонах.

Предложение, на мой взгляд, шикарное.

– Прости, Алексей, служба. Но я с удовольствием схожу в солярий, если тебе туда надо, – обворожительно улыбнулась она.

Спорить бесполезно. Подкупать бабскими слабостями – тоже. Короче, прилипла – клешами не отодрать. Да что ж я, от девки сопливой не смогу отделаться? Еще чего! Запросто!

– Мне в сортир надо, – глядя на нее в упор, нахально сообщил я.

Быть хамом сейчас крайне приятно, однако Алисе моя наглость по барабану.

– Надо так надо, подожду, – лицо рыжей осталось невозмутимым.

Я направился вниз.

– Здесь тоже есть! – донеслось со спины.

– На этом этаже не работает.

В туалете было пусто, ни единой живой души, словно все вдруг в одночасье перестали справлять нужду. И это глупое везение было очень кстати: не надо объясняться с сослуживцами.

Виртуозно орудуя шваброй, честное слово, словно всю жизнь только этим и занимался, зацепил ручку окна, дернул в сторону – створка послушно открылась. Я подпрыгнул и ухватился за пластиковый край белой рамы. Затем подтянулся и таки взгромоздил свою тушу на подоконник. Острое ребро больно впилося в живот, когда я предпринял попытку перевалиться через него нижней частью тела.

Под оживленные возгласы и заинтересованные взгляды прохожих, совершив неимоверное усилие, вывалился по ту сторону «Зингера». Пускай и до крови прикусил язык, когда ноги неумело встретились с асфальтом. Зато теперь я свободен, и никакой Алисы Расколовой, новоиспеченной надзирательницы, которая не справилась с возложенной на нее функцией и потеряла подозреваемого. Между прочим, по своей вине. Лучше следить надо было!

Оставив центральный вход за спиной, метров через двести нырнул в переулок. Чтобы выйти на кратчайший маршрут до дома, где припаркована служебная «девятка», пришлось перелезть через еще одно препятствие – обшарпанную каменную стену, которая служила чем-то вроде забора, отгораживающего одну часть двора от другой.

Тревожные мысли не давали покоя: ищейки департамента, конечно, нагрянут сегодня в Кириши и спустя три часа, оформив все документы, обзвонив инстанции и выпросив разрешение у матери на осмотр трупа Никиты, все-таки обследуют его. Однако это уже может быть поздно.

Когда имеешь дело с умело наложенными печатями, важна скорость. Пока департамент телится, пентаграмму на теле мальчика можно запросто испортить, к примеру, изрезав кожу скальпелем. На кой черт могущественному магу оставлять следы? И вообще живых свидетелей? Например, мать Никиты, Марину Афанасьеву.

То-то же.

Отчего-то мне кажется, что этот гребаный волшебник из кровавой страны Оз в данный момент направляется именно туда. Интуиция? Провидение? Может быть. Во всяком случае, стоит поторопиться.

Двор забит машинами до отказа. И это сейчас, в обеденное время! Ближе к вечеру так вообще не протолкнуться. Хорошо, что у инженеров имеются привилегии: местный ЖКХ выделяет специальное парковочное место для служителей закона, знают ведь – случись чего в закрепленном за ними районе, побегут в ИМП просить помощи. Они ее, конечно, получат, вопрос в том, как скоро. А когда в доме живет инженер, который всегда под рукой, это совсем другое дело. Потому и делают поблажки в виде свободного места на стоянке и льгот на оплату электроэнергии и воды. Соседи, конечно, поначалу были не в восторге, но со временем, видимо, что-то сообразив, смирились. А спустя год после начала массовых преобразований так и вообще в тряпочку помалкивали.

«Девятка» послушно дождалась на положенном месте. Раздался писклявый звук – сигнализация отключилась. Распахнув дверь, втиснулся в узкое машинное нутро и тут же завел мотор. Пока двигатель грелся, внимательно осмотрел периметр, нет ли слежки.

Все чисто.

Визгнув резиной, машина сорвалась с места.

Спустя пятнадцать минут я уже мчался по московскому шоссе, выжимая из старушки все, на что она была способна. Пару раз утыкался в пробки, но бог дорог сегодня был на удивление милостив: машины скучивались на незначительные пять-десять минут, после чего заторы рассыпались, и железная колымага вновь набирала обороты.

Добравшись до деревушки под названием Зуево, заправился, на ходу проглотил кофе и свернул в сторону железнодорожного переезда.

Громыхая подвеской, перебрался через шпалы, и вдруг спустя пятьдесят метров машина отказалась ехать. Двигатель работал исправно, тяга была, но колеса словно скользили по земле, не могли поймать сцепление с дорогой.

Чертыхнувшись, вышел наружу. Вокруг никого, кроме новенькой серебристой «копейки», припаркованной на обочине, – пару лет назад ВАЗ всех сильно удивил, выпустив машину, внешне похожую на «форд мустанг». И вообще, наконец-то им удалось создать не ублюдочный прямоугольник на колесах, а нечто толковое, так что даже подростки загорелись этой машиной! Не думал, что такое возможно...

Придирчиво осмотрев днище – не сел ли на камень, который я, кстати говоря, сразу бы ощутил! – не заметил ничего странного. И уже собрался было открыть капот, как взгляд упал на колесо, затем на другое.

Не помню, чтобы задираю машину настолько высоко...

Ударил по колесу ногой – а оно возьми да и опиши полный оборот вокруг своей оси!

В этот самый момент сзади хлопнула дверь и раздался неспешный стук каблучков.

«Нашла все-таки, рыжая бестия», – не оборачиваясь, понял я.

– Вас, по всей видимости, засосало в унитаз. А выплюнуло аж вон где. Да не одного, а с этой развалюхой! – с издевкой произнесла Алиса Расколова.

Машина по-прежнему висела в воздухе, едва касаясь покрывками земли. И удастся же чертовке, не напрягаясь, поддерживать левитацию.

– Алиса! – преувеличенно радостно воскликнул я, поворачиваясь. – А я-то думал, куда вы пропали? Вроде обещали неустанно присматривать за мной. Так и быть, этот промах останется сугубо между нами. Обещаю.

– Прекрати строить из себя шута, Сказов! – разгневанно процедила она, и бедная старенькая «девятка» ощутила всю мощь земного притяжения. Заскрипели рессоры, завизжали амортизаторы, что-то хрякнуло.

Лицо исказилось гримасой боли. Жалко, ох, жалко старушку.

– Сердце у тебя каменное – творить такое с детищем отечественного автопрома! – с упреком вздохнул я.

– А сбегать от приставленного надзирателя – это как, в порядке вещей?

Я пожал плечами и, ухмыльнувшись, сел за руль.

– Далеко собрался?

– В Кириши, – честно признался я, заводя мотор.

– Думаешь, получится?

– А почему нет? – изумление в моем голосе было почти искренним.

В этот момент старенькая машина вновь накренилась и поднялась в воздух – еще выше, чем прежде!

Вздох вырвался из груди.

– Ну не драться же нам в самом деле?

Алиса пожала плечами:

– Как знаешь...

Я потянулся за своим пантаклем, который к этому времени, пускай и не полностью, но восстановил заряд: можно наколдовать что-нибудь легкое. Это я и сделал.

Прошептал ничего не значащие для рядового не искушенного магией гражданина слова, и машина легонько! опустилась на землю. Словно перышко.

– Ничего, родная, не в таких передрыгах бывали, нечего всяким злым теткам тебя обижать, – погладил я ее по «торпедке» и прошептал еще кое-что.

Ощувив, что «жигули» неведомым образом слились со мной – как будто до этого была машина и был я, а сейчас мы стали одним целым, – тронулся.

Алиса сделала попытку помешать, но, увы, силёнок не хватало. Молодая еще, не освоилась в департаменте, да и жизнь пока ничему не научила. Куда ей до опытного оперинженера!

Но черт бы меня побрал! Как только я отъехал на приличное расстояние, сзади раздался душераздирающий крик. А затем... автомобиль взлетел в воздух и, сделав два раза сальто, словно внутри у него находился каскадер, взявший крутой трамплин, приземлился на крышу.

На этом дело не закончилось: с какой-то дикой остервенелостью нас швырнуло в сторону, прочь с обочины, прямо в кювет.

Больно треснувшись головой об руль, а затем едва не расплющившись о стекло, я, тем не менее, не потерял сознания. Только разозлился еще больше.

Дверь сорвалась с петель и отлетела в сторону, когда я вознамерился выбраться наружу, чтобы проучить эту зазнавшуюся пигалицу.

Она терпеливо дожидалась, пока противник выползет из машины, представлявшей сейчас груды металлолома, бесполезный хлам, который даже деревенские побрезгуют разобрать на запчасти.

– Да ты вконец охренела?! – рявкнул я, хватаясь за пантакль.

Взгляд наполнился силой, губы зашептали слова, а руки пришли в движение, совершая смертоносные пассы.

– Как ты думаешь, почему я работаю в инстанции выше твоей? – обыденным голосом спросила Алиса.

Но я ее уже не слышал. Разум заволокло пеленой, мысли неслись сквозь время, вызывая к силе, проводником которой были пантакль и мои опрометчивые действия.

– Потому что я – слуга закона. И я доказала, что моя воля не угаснет от твоего примитивного гнева и досады, – невозмутимо добавила она.

Рыжая ведьма говорила магически, ментально, будто никогда и не использовала простой язык. Ее слова молотом стучали в моей голове, приказывая одуматься. И в самый последний момент, когда заклятье уже готово было сорваться с кончиков пальцев, словно волкодав с цепи, я, сделав невероятное усилие, остановился.

Медленно приходя в себя, обращал содеянное заклинание вспять, возвращал силу в пантакль, который покорно позволил собой воспользоваться.

– Ты колдуешь без талисмана? Без пантакля? – откашливаясь, прохрипел я.

– Пришлось научиться. Использование посредников неприемлемо для работника департамента.

– Научишь?

Она отрицательно помотала головой.

– Нет. Надо же нам чем-то отличаться от вас, слабосильных, – на лице Алисы сияла победная улыбка.

– А какой у тебя класс?

– Седьмой.

– На два выше, чем у меня... Впредь буду осторожнее, девчонка.

Мы сидели на зеленой траве. Солнце со вчерашнего дня успело подсушить почву. А в салоне Алисиной «копейки» нашлись два стакана капучино. Напиток был теплым, почти горячим. Самое то. Но это означало, что надзирательница просчитала мое появление с точностью до минуты!

– Зачем тебе в Кириши? Хочешь сесть в тюрьму?

– Нет. Хочу ее избежать. А еще – убить мага.

– Судя по статистике, которую получил в отношении тебя департамент, ты редко оставляешь в живых магов, нарушивших закон. Даже если это глупые новички! – в ее голосе звучал упрек.

– Наверное, я их просто недолюбиваю.

– Хотя сам являешься магом?

– Я – другое дело.

– Но ты готов был убить меня. Получается, не совсем уж и другое.

– Ты не дала мне перешагнуть черту, спасибо.

– А ты не хотел сотрудничать...

– Разве это сотрудничество? – воскликнул я. – Ищейки департамента обвинили меня в намеренных экспериментах над обществом, заявили, что я хотел убить мальчика. Семилетнего пацана! Запретили заниматься расследованием, в конце концов.

– Никто тебя ни в чем не обвинил. Ты пока под следствием. Просто подозреваемый, – Алиса чеканила слова, чтобы я осознал каждую фразу.

Но я только отмахнулся:

– Что это меняет?

– Если не вникать, ничего. Может, все-таки расскажешь, зачем подорвался на место преступления?

Я неохотно поделился своей догадкой:

– Есть третий маг, который управлял отцом Никиты и им самим. И сейчас он едет туда, чтобы замести следы.

– Откуда знаешь? – совершенно искренне удивилась она.

– Интуиция, госпожа надзиратель, всего лишь интуиция. Не может он просто так оставить своих жертв. До меня только сейчас дошло: паренек этот, Никита, курил папиросы.

– И? – Алиса все еще не понимала.

– Ворожба, которая связала отца и сына, затронула также и мага! Это заклятье было рассчитано на троих, а не на двоих, как считает твой хваленый департамент.

– Допустим, но я так и не поняла... при чем тут сигареты?

– Папиросы, – поправил я. – Колдовавший маг – это старик, живший или живущий в том доме... Он хотел перенести свой разум в мальчишку! И у него это отчасти получилось. Когда, явившись по вызову, я снял наваждение с парня, это была лишь верхушка айсберга. Под этим наваждением глубоко внутри пряталось еще одно.

– Значит, гипотетический маг желал обрести новую жизнь в юном теле? К этому клонишь?

– Именно!

– Бессмыслица какая-то.

– Вовсе нет. Никита курил «Беломор». Такие уже не выпускают, значит, он раздобыл их у неизвестного человека. А курение – привычка, которая досталась ему от мага. Так часто бывает: человек, находящийся под чужой волей, копирует поведение колдуна. Говорю же, он почти закончил свое колдовство, я вовремя помешал ему, убив обезумевшего отца.

– А ты не думаешь, что, когда ты убил отца мальчика, погиб не только Никита, но еще и тот, третий?

– Сомневаюсь, Алиса. Тот, кто сумел связать два тела на расстоянии, свести с ума отца, а мать отправить в больницу, чтобы не мешала, не допустит такой ошибки. К тому же у него была возможность разорвать связь, ведь я не сразу прикончил Валерия Николаевича. Не знаю, какие последствия от этого разрыва он испытал, но то, что теперь ему необходимо замести следы, – факт.

– Тогда садись в машину, поехали, – велела она

– Не станешь сдавать меня своей мегере?

– Во-первых, не мегере – Аделаиде Петровне. Во-вторых, я тебе верю.

Не знаю, чего в моем взгляде было больше: удивления или благодарности?

– Не обижайся, но маг из тебя хреновый. Самое начало пятого класса, я бы даже сказала, конец четвертого. Чертить пентаграммы, изучать латынь и читать заумные книжки – явно не твой конек. А потому совершить убийство паренька ты не мог, – заключила Алиса.

– Спасибо на добром слове. Не знаю, радоваться мне или горевать, что тупым уродился?

– Думаю, ты будешь радоваться. С чувством юмора у тебя порядок. Хотя... сквозит от него отчаянием каким-то, болью и тоской. Прячешь все это за веселыми словечками, а на самом деле на стенку готов лезть.

«Психолог хренов!» – растерянно подумал я, а вслух сказал:

– О себе можешь не рассказывать!

Стаканчик с капучино полетел в кусты. «Копейка» оказалась шикарной машиной: тонкий ретроруль, торпеда в классическом исполнении, приемник на старый манер, богатая велюровая отделка и механическая коробка передач! Последнее вызвало во мне особое уважение: современным фифам коробку-автомат подавай, а тут – надо же... Мне все это снится или российская машина действительно стала надежной и удобной? Фантастика, такое только в книжках бывает. Однако вот она – реальность две тысячи двадцать второго года.

– Как вам фильм, молодёжь? – отец внимательно смотрел на нас с Дашкой.

Он был командиром отряда ОМОН, руководил сложнейшими операциями по освобождению заложников, подолгу не бывая дома: бесконечные учения, вызовы, перелеты в другие страны. А сейчас вот выпала удача познакомиться отца с невестой.

– Очень даже неплох! Хотя концовку затянули... – Даша заметно стеснялась, но твердо отвечала даже на самые сложные вопросы отца. Что ж, присутствие офицера всех заставляет быть немного солдатами. Это я за долгую жизнь рядом с ним успел привыкнуть, а Дашка мялась как на экзамене.

– Ну, это же Тарантино! Он любит посмаковать, подержать в напряжении, – засмеялся он.

Виктор Сказов вопреки всеобщему мнению – мол, все вояки – тугодумы, способные лишь на исполнение приказов, – был умен. Именно он уберег меня от карьеры военного, посоветовав обратить внимание на радиоэлектронику.

– Отец, – неожиданно для самого себя решил я, – вообще-то, у нас есть новость! Жаль, что вы с Дашей только что познакомились, но так уж вышло... Тебя редко можно застать дома.

Дашка нервно прижалась ко мне. А ей сейчас волноваться ой как противопоказано. Она и так весь вечер была как на иголках, все думала, как преподнести эту новость.

– В общем, у нас... – договорить я не успел, отец жестом приказал замолчать и напряженно впился глазами в шагающего нам навстречу мужчину.

Тот был явно похож на наркомана: тощий, в грязной клетчатой рубаше, одна пола которой заправлена в издрызганные джинсы. Руки беспокойно и суетливо подергиваются, одно плечо то и дело скачет вверх-вниз, а кривая ухмылка при взгляде на нее останется в памяти на всю жизнь. У него было лицо человека, абсолютно уверенного в своем превосходстве.

Неужели он мог чем-то взволновать отца? Быть того не может!

– Кто это? – испуганно спросила Даша.

– Не знаю, но лучше держаться в стороне. Алексей, помнишь правило?

– Да, – ответил я, твердо заучив в свое время очевидную, но губительную для жизни в случае пренебрежения ею истину: неприятности лучше обходить стороной. Каким бы сильным ты ни был. Каким бы слабым ни казался противник.

Отец всегда учил соблюдать осторожность. Даже если ты опытный военный, нож в руках пускай и сопливого пацана может убить любого.

Тропинка безлюдного парка, по которой мы шли, была единственной. А потому мы повернули назад, до первой развилки, и в полном молчании свернули налево.

– Оторвались? – спросил я.

– Не знаю, не нравится мне тот тип.

Я никогда не видел отца таким встревоженным. И хотя в моем понимании тот наркоман не представлял угрозы, однако офицер Виктор Сказов чувствовал опасность нутром. А его интуиции лучше довериться безоговорочно.

– Простите, ребята. Лучше поспешить из парка! – он постарался придать голосу спокойствие.

Мы ускорили шаг, как вдруг за очередным поворотом на нашем пути возникла фигура того самого человека.

Он не собирался нас упускать.

– Леша, Даша, держитесь позади! – велел отец.

– Я помогу!

– Нет! Тебе нужно беречь свою невесту, ты сам знаешь почему!

Я сглотнул тугой комок обиды, застрявший в горле, посмотрел на Дашку, переведя взгляд на еле округлившийся живот. И покорно кивнул.

Виктор приблизился к неопрятному человеку, напряженно вслушиваясь в каждый звук и оглядывая боковым зрением кусты, которые высокой подстриженной стеной тянулись на два с половиной метра вверх.

Я также внимательно оценивал обстановку, крепко сжимая Дашкину руку.

Никого.

Не единой живой души в парке.

Птицы и те умолкли.

Только вот этот дергающийся наркоман. Но разве он может быть опасен?

– Чего ты хочешь? – спросил отец.

– Силу, – долетел до ушей ответ.

– Своей недостаточно?

– Мало. Нужна другая, – противник приблизился с вытянутой рукой, указывающей за спину отца, туда, где стояли мы с Дашкой.

Даша, почувствовав угрозу, исходящую от загадочного незнакомца, инстинктивно схватилась за живот. Разум ее сейчас бился словно птица, пойманная в клетку.

Как он узнал? Как понял, что она беременна?

Ведь он указывал именно на нашего будущего ребенка, который вскоре должен родиться.

Отец, не став больше раздумывать, сделал два шага вперед и с крутого разворота заехал ногой в челюсть наркомана. Тот отлетел в сторону, нелепо приземлившись половиной туловища на зеленую скамейку.

Короткий бой окончен.

Таким ударом не мудрено убить, у отца могут возникнуть проблемы...

Но противник, полежав секунд пять, пришел в себя. А может, и вовсе не отключался. Челюсть его была в полном порядке: ни ссадин, ни переломов. Только ухмылка висела, словно приклеенная. Самодовольная ухмылка победителя.

– Слабовато, – невозмутимо процедил он, поднимаясь на ноги, тело его пришло в полнейшую норму и больше не дергалось.

И вдруг с ним произошло что-то неувидимое: бросившись на отца, он нанес один-единственный удар.

Виктор Сказов прочертил по земле с десяток метров, прежде чем возобладали законы трения. Но даже после такого удара, держась за ребра, он поднялся, чтобы защитить свою семью.

Я не мог поверить глазам. Отец, владевший не одним видом боевого искусства, не раз занимал первые места на чемпионатах: дома у нас стояли призовые кубки, полученные на различных соревнованиях. Он легко мог в одиночку справиться с десятком человек! Но сейчас все было иначе. Его едва не убил изможденный тощий наркоман, настойчиво искавший дозу...

Дозу чего?

Силы.

Да. Так он сказал.

– Леша, бегите! – прохрипел отец.

Я вздрогнул.

– Плохой сон?

Алиса сидела за рулем, двигатель довольно урчал снаружи, а мне, кажется, привиделся кошмар из прошлого.

– Сколько я спал?

– Минут двадцать, уже подъезжаем к моргу.

Прикоснувшись к пантаклю, сбросил сонное оцепенение. Сила ожила, пробежала по венам, достигла сердца. Обыкновенная ворожба, но, когда Алиса припарковала машину, рядом с ней сидел уже не заспанный размазня, а собранный и готовый к активным действиям оперинженер.

Территория морга, прилегавшая к небольшой больнице, была огорожена низким забором и усыпана щебнем – денег на укладку асфальта не хватало. Видимо, отсюда недавно забирали свежего покойника: у входа еще остались две старые обшарпанные табуретки, на которые обычно ставят гроб, перед тем как погрузить его в катафалк. Хотя в небольших городах роль катафалка исполняет обыкновенный автобус с выпиленной с помощью болгарки квадратной дырой, через которую и затаскивают внутрь деревянный ящик с усопшим.

– А где ваши, из департамента? – спросил я.

– Оформляют бумаги на досмотр тела. Мы же не простые участковые, ответственности больше.

Я усмехнулся.

Алиса и сама понимала, что ее отдел затягивает дела, но ничего поделать с этим не могла. Конечно, за департаментом по делам с маг-населением строго следит бдительный глаз народа. Это мы, ИМП, с нашими инженерами – среднее звено и всегда на виду, однако претензий к верхушке всегда больше. Как и в любой стране. Но без такой инженерно-магической полиции, которая, пренебрегая риском, действует быстрее, без оперинженеров, подставляющих свои головы под удар, в обществе воцарится настоящий хаос. И наверху это понимают.

К тому времени, как мы подошли к входу, на одну из табуреток уселся пожилой человек, достал сигарету, устало закурил. На нем висел резиновый передник с засохшей кровью, а из кармана торчали синие перчатки.

– Оперинженер Алексей Сказов, – представился я, показывая удостоверение. – Нам нужно осмотреть тело Никиты Афанасьева.

Мужчина, не меняя позы и не отнимая дымящегося окурка ото рта, внимательно изучил корочку.

– Для осмотра тела требуется разрешение, – бесстрастно отозвался он.

– Доктор, а можно как-нибудь без него? Дело срочное, не успеем – мерзавец, сотворивший это, уйдет.

– Во-первых, патологоанатом. А во-вторых, мне строго-настрого запретили подпускать сюда инженеров из ИМП.

В этот момент Алиса, достав свое удостоверение, чуть ли не ткнула его в нос патологоанатому.

– Департамент по делам с маг-населением, Алиса Расколова. Проводите нас, пожалуйста, к телу, – дружелюбно сказала она и добавила: – Давайте не будем ссориться.

Мужчина неуловимо переменялся в лице, словно принимая новые правила игры. Несколько секунд поразмыслил и наконец-то ответил кивком.

– Но сначала вы заполните бланк. Иначе я получу нагоняй от начальства, – он вел нас холодными коридорами морга, где, несмотря на то что на улице был день, царил полумрак, а у меня бежали мурашки по коже. Зато Алиса – хоть бы что, чувствовала себя как дома. Меня же всегда вымораживали безжизненный кафель, металлические кушетки и мигающие, словно в фильме ужасов, люминесцентные лампы.

– Леш, ты как, в норме? – заботливо спросила Алиса.

– В полной, – как можно убедительнее заверил я, хотя три чашки кофе, выпитые сегодня за весь день, реально просились наружу тем же путем, что и попали в желудок.

– Выйдем отсюда, надо перекусить. На тебе лица нет.

– Что, дурно стало? Могу нашатырька предложить, – участливо вмешался патологоанатом.

– Обойдусь.

– Ну, как знаете. Этого добра здесь навалом. Пользуется спросом, когда ученики из меда на экскурсию приходят.

Доктор явно развеселился, интересно, что стало тому причиной?

Когда мы, наконец, миновали этот лабиринт ужасов и вошли в своего рода рабочий кабинет, врач положил на стол бланки. Для меня и Алисы.

– Зачем два? – спросил я.

– Таковы правила, – пожал он плечами.

Кабинет патологоанатома был типичным для врача его направления, работающего в провинциальном городе: бутылка водки, которую даже не удосуживались прятать, находилась в непосредственной близости от граненого стакана, коричневая кожа на стуле времен перестройки местами потрескалась, выпустив наружу слой поролона, на стене громко тикали часы, а в углу, рядом с окном, сиротливо приютился скрипучий шкаф.

– Ну, вы пока тут посидите, а я приготовлю тело, – доктор вышел, оставив нас одних.

Алиса послушно уселась писать, а мне что-то не давало покоя, мешало сосредоточиться. Вот только что, определить не мог до того момента, пока взгляд не наткнулся на пепельницу. В ней среди прочих выделялся окурочек «Беломора», того самого, что курил Никита.

– Черт! – выругался я.

Алиса подняла на меня испуганные глаза, однако времени объяснить не было. Я уже несся из кабинета, пытаюсь определить направление, в котором скрылся патологоанатом.

На секунду замер, прислушиваясь к звукам, но Алиса, быстро сообразившая, что мы только что допустили промашку, опередила меня.

– Туда! – ткнула она стволом пистолета. И когда только успела достать?

Мы кинулись вдоль коридора, свернули направо. Ногой задел одну из кушеток, на которой лежали медицинские приборы: скальпели, захваты, щипцы, пинцеты. Все это с противным звоном рассыпалось по полу.

Дорогу преградила железная дверь. Подергав за ручку, поняли: открыть не получится, а вышибать такую – только здоровье портить.

В это мгновение взгляд моей надзирательницы наполнился сиянием. Она колдовала прямо так, сходу, без предварительной подготовки, без тайных слов и пассов руками. Железо на двери заскрежетало, затряслось, завизжало и, расходясь из самого центра аккуратным кругом, стало сворачиваться тонкими завитками, открывая брешь.

Захватывающее зрелище длилось секунд пять и было невероятным – дверь раскурочило просто фантастически. Даже сейчас я сумел это оценить.

Выхватив пистолет из кобуры, первым ворвался внутрь: патологоанатом застыл над мертвым телом мальчика со склянкой в руках.

– Стоять, стрелять буду! – гаркнул я.

Но его это мало волновало. Он перевернул склянку, и жидкость потекла наружу, прямо на грудь мальчика. Та начала дымиться.

– Нет, Леша! – раздался крик Алисы. – Он под чужой волей!

Грязно выругавшись, схватился за пантакль и, призвав на помощь силу, отшвырнул гребаного эскулапа к стене.

Колба с серной кислотой разбилась о кафель.

Я пулей метнулся к нему. Не церемонясь, заломил руки за спину, надел наручники. А затем яростно встряхнул и, развернув лицом к себе, схватил за грудки:

– Кто ты, мразь? – вопль вырвался из самой глубины.

Доктор отрывисто засмеялся:

– Бог конечно!

– А если пулю промеж глаз, Бог останется жив? – пистолет уперся в лоб патологоанатома.

– Всегда есть выбор. Хочешь тоже стать Богом, спусти курок, – совершенно спокойно сказал он.

– Не надо! Он провоцирует тебя! – вмешалась Алиса.

Черт! Убей я сейчас этого человека, в сознание которого влез маг, умрут, вероятно, оба. Связь еще не разорвана. Но какова цена: пожертвовать одним ради того, чтобы уничтожить настоящее чудовище.

Так кто же я?

Бог?

Или человек?

Дуло пистолета задрожало в руке. Доктор победно улыбнулся. Где-то я уже видел подобную ухмылку. Много лет назад.

– Человеку, увы, не дано одолеть Бога, – уверенно произнес маг, находившийся сейчас в теле патологоанатома.

А потом все исчезло.

Маг пропал из сознания своей жертвы. Связь разорвалась.

На меня уставился трясущийся от ужаса врач. Зрачки бегали из стороны в сторону, ноги не держали его. Всем своим видом он молил о пощаде.

– Н... не надо... кто вы? Что я здесь делаю?

Я медленно спрятал пистолет назад в кобуру:

– Все в порядке... Вы живы. Это главное.

Алиса стояла за спиной, не спуская с меня пристального взгляда. Наверное, пыталась понять: не вмешайся она, убил бы я невиновного?

Я и сам хотел бы знать ответ на этот вопрос.

Пентаграмма на теле мальчика была не просто уничтожена – от нее ничего не осталось! Единственный след, ведущий к неизвестному магу, оборвался.

– Теперь ты мне хотя бы веришь?

Алиса коротко кивнула.

Да. Она верила мне. И была совершенно не удивлена, узнав, что маг – не вымысел невероятного оперинженера.

– Звони своим. Надо уберечь последнего возможного свидетеля! – велел я и вышел прочь. Подальше от этого жуткого кошмара, бесцеремонно ворвавшегося в мою далеко не безгрешную жизнь.

глава вторая ГОСТИ

В приемной было тихо.

Пока мы с Алисой дожидались от Горыныча приглашения на разбор полетов, из-за двери соседнего кабинета еле слышно долетали обрывки научно-популярной передачи о маг-профессиях. Сейчас речь шла именно об оперинженерах и о происхождении этого названия.

Я вслушивался в голос телеведущего, который сообщал давным-давно известные всем факты:

«Оперинженерами называют тех, кто использует разработки ИМП в боевых действиях. Теперь понятно, почему к названию профессии принято добавлять приставку «опер», но почему все-таки «инженер»? Это слово, некогда обозначавшее человека, окончившего соответствующий факультет, появилось совсем не просто так.

Шесть лет назад, когда Земля еще ничего не знала о надвигающихся переменах, первым заподозрил неладное преподаватель кафедры робототехники дубненского университета Природы, Общества и Человека Трофимов Александр Терентьевич».

Да этого профессора разве что последняя собака не знает! А в новостях все крутят и крутят образовательные ролики... и ведь не устают, рейтинги на телеканале до сих пор держатся. Магия стала настолько популярной, что затмила славу многих звезд эстрады.

«Он сведущ во многих точных науках, но как человек, обладающий изощренным умом, волею судьбы интересовался также мистикой во всех ее проявлениях».

Судьбы? Или все-таки злого рока?

Это сейчас он стал известным и к его мнению жадно прислушиваются каждая задрипанная газетенка и самый малобюджетный канал, а раньше чуть ли не все открыто смеялись у него за спиной. Коллеги всерьез думали, что старику просто скучно жить, вот он и выдумывает всякие небылицы.

О, как они ошибались!

«Профессор видел в мистике отражение математических и физических законов. Но последние почему-то не действовали», – бесстрастно продолжал вещать ведущий.

До определенного момента не действовали... и лучше бы так оставалось и впредь.

«После тысяч опытов и экспериментов в один день судьба откликнулась на его настойчивость. Все его находки пришли в работоспособное состояние! Изрисованный пентаграммами кабинет наполнился силой, энергией, – интрига в мужском голосе нарастала. – Она неведомым образом взаимодействовала с самим профессором и в какой-то степени повиновалась его воле».

Безусловно, Трофимов не единственный, кто плотно работал с эзотерикой, но он первым выступил с официальным докладом во времена, когда повсюду царил беспорядок. Сегодня имя профессора знает каждый школьник.

«В народе его зовут первым маг-инженером, – заключил ведущий и наконец-то перешел к сути: – Так и появилась профессия оперинженера. Профессор Трофимов продолжает изучать новое направление, ставшее отдельной полноценной наукой наряду с физикой, биологией или химией».

Трофимова я недолюбливал. Взбрело же в голову старику заниматься подобной ерундой. И словно дьявол смешал карты – у него получилось. Понимаю: не выйди у него, вышло бы у кого-нибудь другого. Наверное, мне просто требуется объект для неприязни, и так уж случилось, что им стал Трофимов.

Общество полагает, что магия – благо. Я думаю, она убийца, и у меня есть все основания так считать. Потому что постоянно прибираю за ней...

Из кабинета Горыныча вышла Маша. Сочувственно повела подбородком. Положила руку на мое плечо, вздохнула.

– Не драматизируй, Мария.

– Ага, – Маша оценивающе взглянула на меня, – это ты еще ничего не знаешь о драме. Но у тебя все впереди, – она кивнула сторону двери начальника. – Он ждет, заходите.

Мы вошли. Шеф, и правда, находился в состоянии, граничащем с бешенством. Самое время доставать пантакль и читать защитные мантры. Я даже невольно потянулся за ним, чем привлек его внимание, и рука предательски дрогнула.

– Ты чем думал, Алексей?

– Ну не мог я сидеть сложа руки.

– А надо было! Глядишь, обошлось бы... с телом, – как-то не очень уверенно произнес он. Я молчал. Знал, что не обошлось бы.

– Еще и служебную машину угробил! Я что, по-твоему, миллионы из госбюджета вырываю, чтобы каждый день сотрудникам новые автомобили поставлять?

– Простите, Геннадий Ярославович. Это я не рассчитала... – осторожно вмешалась Алиса.

– Молчи уж... – махнул рукой Горыныч, постепенно приходя в норму. – Сорванцы! Это ж надо ТАК не рассчитывать, Алиса. Нет, у вас, конечно, там, в департаменте, силенок хоть отбавляй. Но... ой, да черт с вами!

Мы сидели в главном кабинете ИМП. В кружках остывал чай, который, чтобы хоть чуть-чуть утихомирить шефа, заботливо принесла Маша сразу после того, как мы вошли. К печенье «Юбилейному», лежавшему на блюдцах, никто так и не притронулся. Настроение у всех троих было препаршивое.

– Давайте все-таки вернемся к началу, – произнес Горыныч. – Почему маг остался жив, если Валерий Николаевич благополучно скончался?

– Валерий Николаевич в момент моего появления был связан только с сыном. А вот сын имел две связи: с отцом и неизвестным магом. Однако маг успел освободиться от Никиты до того, как я разобрался с отцом. Поэтому и остался жив. Не знаю, везенье это или холодный расчет. Кстати, на теле Валерия Николаевича была такая же пентаграмма, как и у патологоанатома. Это значит, что поначалу им также могли управлять, а уже потом он практиковал сам по себе.

– Однако эти пентаграммы не такие ценные, как та, что была уничтожена на теле Никиты. И еще, выходит, Валерию Николаевичу помогли овладеть силой.

– Скорее всего так, – согласился я с Горынычем. – И сделали это для того, чтобы Валерий Николаевич, обезумев, провозгласил себя богом и решил переселиться в тело собственного ребенка. А такое колдовство требует подготовки. Неизвестному магу оставалось лишь вовремя устранить претендента и занять его место. Это объясняет, почему у мальчика была привязка к двум людям.

– Господи, куда катится этот мир? У нас появился способ переселяться в другие, более молодые тела, чтобы избежать смерти! – не веря своим ушам, воскликнул Горыныч. – А что с этими пентаграммами? Изучили?

– Не представляют никакой ценности, шеф. Нанесенные на тело, они подавляют волю, навязывают чужие желания, в общем, дают временный контроль. У нас такие разработки еще с прошлого года лежат, – ответил я.

– Значит, важна лишь пентаграмма на теле мальчика, которая полностью уничтожена, – нервно постукивая пальцами по столу, повторил шеф.

– Да, именно за ней и явился в морг неизвестный, завладел рассудком врача, ну... дальше вы знаете, – угрюмо подтвердил я.

Горыныч почесал затылок, затем со вздохом подвел итоги:

– Итак, на воле разгуливает маг, который владеет пентаграммой, способной навсегда перенести его сознание, разум и душу в чужое тело. А единственный след, который мог к нему привести, уничтожен.

Алиса мрачно опустила глаза на чашку с чаем, в которой плавала долька лимона. Не сунься департамент со своими проверками и обвинениями, может быть, след удалось бы сохранить. Хотя бы сфотографировать рисунок – и то было бы лучше, чем ничего. Имея на руках приблизительный чертеж, ИМП прогнала бы его по базе, нашла зацепку, а так...

– Что с Мариной Ивановной, матерью Никиты? – поинтересовался Горыныч.

– Департамент взял ее под охрану и уже перевез сюда, в Санкт-Петербург. Женщина в безопасности. Хорошо еще, что сначала мы поехали в морг. Маг вполне мог в первую очередь избавиться от нее, а уже затем от пентаграммы. Можно было банально разминуться, – ответила Алиса.

– Хоть в чем-то нам повезло! – хмуро согласился шеф. А затем недовольно посмотрел на меня: – Тебя, Алексей, я бы посадил под замок, если бы не знал, что ты переломаешь себе кости, но сбежишь.

Я пожал плечами. Хорошо, что шеф в курсе моих намерений.

– Геннадий Ярославович, – обратилась к шефу Алиса, – теперь, когда частично подтвердилось присутствие неизвестного мага, Алексей Сказов, хоть и остается под моим наблюдением, но все же вызывает больше доверия. Думаю, мне удастся уговорить Аделаиду Петровну допустить его к расследованию и позволить встретиться с матерью погибшего мальчика.

Шеф одобрительно кивнул. А что ему, по сути, оставалось? Нет, он, конечно, мог меня уволить, но от пробудившегося так просто не избавляются, пусть даже грань дозволенного непростительно близка. К тому же, и это самое главное, я оказался прав! Не считаться с этим шеф не мог.

Прохладный вечерний воздух бодрит, а с неба изредка начинают срываться пока еще крохотные капельки дождя. Измученная событиями этого кошмарного дня Алиса – после того как мы покинули морг, она еще несколько часов кряду вела объяснительные беседы с другими представителями департамента, – достала тонкую сигарету и закурила.

– Как думаешь, твоя мегера действительно разрешит мне поговорить с Мариной Ивановной? – спросил я, усаживаясь рядом.

– Уже разрешила. Я еще днем, сразу после морга, выбила из нее, – выпуская клубы дыма, ответила Алиса.

– Хорошо. Тогда завтра с утра не будем мешкать. Кстати, а с каким диагнозом она лежит?

– Сердечный приступ.

– Классика жанра, – усмехнулся я.

Начинающему магу заставить слегка сбиться сердце другого человека – раз плюнуть. Особенно если этот человек непробудившийся. Валерий Николаевич все рассчитал: отправить жену на больничную койку, усыпить бдительность во всем подъезде, а потом заняться сыном.

Вот только сам оказался пешкой в чужой игре.

– Я должна отвезти тебя домой, – ровным голосом сказала Алиса

«Еще бы! – подумал я. – Это же ты мне машину угробила». Но вслух с совершенно серьезной миной на лице поинтересовался:

– Останешься на ночь?

Пожалуй, первый раз за все время мне удалось смутить надзирательницу. Алиса побагровела и выронила сигарету, но окончательно самообладание не потеряла:

– В другой раз, Сказов. Сегодня ограничимся моим колдовством, с помощью которого я запечатаю твою входную дверь. Через окно, надеюсь, лезть не станешь?

– Больше чем один раз в неделю через форточку не вылезаю. Уж прости, – ухмыльнулся я.

Сказалось нервное напряжение, скопившееся за день. Алиса презрительно фыркнула и отвернулась, однако в уголках ее губ затаилось некое подобие улыбки.

– Садись, Петросян... – бросила она и хлопнула дверью серебристой «копейки».

До моей улицы добрались быстро. Алиса любила лихую езду, а потому скучать в дороге не пришлось.

– На стоянке есть свободное место.

– А, привилегии оперинженера... – улыбнулась надзирательница.

– Вроде того.

Как и обещала, рыжая бестия наложила на дверь печать. Теперь никакой ключ не сможет провернуться в замке, и даже с плеча выбить дверь не получится. А захоти я выбраться наружу, придется изрядно попотеть и истратить весь заряд пантакля, а его и так оставалось мало – только к утру восстановит прежнюю силу. Зато для того, кто колдовал, вход открыт, словно и нет никакого заклятья.

Пока я разувался и слегка приводил себя в ванной в порядок, Алиса, сидевшая в спальне на кресле, незаметно задремала. Я решил, что будить уставшую девушку, в столь юном возрасте ставшую служителем закона, да еще и в департаменте, было бы с моей стороны свинством. Накинув на нее плед и на всякий случай приготовив кровать, застелил себе жесткий кожаный диван и отправился мыться.

Наслаждаясь контрастным душем, позволил себе расслабиться и поиграть с температурой струек. Тело отзывалось томной благодатью, говорило хозяину огромное спасибо за предоставленный комфорт.

Энергично растерся полотенцем, вздохнув еще влажные волосы, и облачился в свежее белье. А когда вернулся в спальню, Алиса – ну этой точно палец в рот не клади! – уже перебралась в теплую постель. Отмахнувшись от пришедшего было на ум вопроса – а давно ли я менял белье? – справедливо решил, что и так сойдет. Девчонка явно не из прихотливых, на такие пустяки внимания обращать не станет.

Удивительно, но Алиса – первая девушка за последние шесть лет, которая осталась у меня на ночь. Кто бы знал, что для этого придется стать чуть ли не преступником, подозреваемым, на которого завели дело.

Тесный диван, предназначенный скорее для того, чтобы на нем телевизор смотреть, а не спать, не позволял вытянуть ноги полностью. Пришлось поджать их под себя, но никаких неудобств при этом я ощутить не успел: сон взял свое. Царство Морфея поработило еще одного человека.

– Оторвались? – встревоженно спросила Дашка.

Дыхание у нее учащенное: бегать на втором месяце беременности не самое веселое занятие.

– Не знаю, кажется, да.

Я отчаянно пытался найти кратчайший путь из парка. Отец остался за спиной драться с человеком, пришедшим за силой.

– Леша! Кто это? Почему он пришел за нами... за мной... – сквозь всхлипывания проговорила Дашка.

– Ну почему же за тобой, милая!? – все мои попытки успокоить ее наткнулись на препятствия. Гормоны сейчас бушевали в ее крови, усиливая любую эмоцию. – Это обыкновенный наркоман, ему нужна доза, вот он и пристал к первым встречным.

Понятное дело, она не верила ни единому моему слову. Мы оба понимали, что Виктор Сказов, мой отец, скорее всего уже мертв. Но нельзя, нельзя позволять панике взять власть над собой. Скорее выбраться отсюда! Где же этот проклятый выход? Где люди?

Все вокруг словно вымерло: ни птиц, ни зверей... Ни белок на деревьях, ни единого воробья в кустах. Складывалось ощущение, что мы в парке совершенно одни.

Как такое возможно, я не знал.

А потом Дашка схватилась за живот, не в силах больше бежать. Лицо ее исказила гримаса боли, сердце бухало так сильно, что я слышал его стук, не прикладывая ухо к груди.

– Болит... – прошептала она.

Но я сразу понял, болит – это слабо сказано. Просто она не могла сейчас кричать, чтобы не выдать нас тому человеку. А потому терпела, спасая наши жизни – свою, мою и будущего ребенка.

– Потерпи, любимая, мы обязательно выберемся! – пообещал я ей как можно более уверенно. Но понимание того, что я сейчас совершенно бессилен, сводило с ума.

Я не мог ей помочь, я не знал, почему у нее вдруг заболел живот! Может, что-то с ребенком? Может, выкидъши?

До крови прикусил губу, проклиная себя за бессилие. Горячая жидкость с соленым привкусом заполнила рот.

«Господи, – взревел я про себя, – помоги...»

Но Бог молчал.

Вместо него откуда-то сзади заговорил другой, не Бог, но и не человек:

– Не нужно сопротивляться, я просто возьму силу и уйду.

Дребезжащий голос заставил нас синхронно повернуть головы в его сторону.

Я вскочил на ноги, заслоняя собой Дашу, и заметил, что нос незнакомца свернут набок – отец все-таки смог его ранить, нанести хоть какой-то вред. А значит, его можно одолеть!

– Где мой отец?

Человек задумался:

– Кажется, в валгалле. Так вы называете место, куда отправляются воины после смерти.

Убит. Умер! Я больше никогда его не увижу...

Отчаянные мысли проносились в голове, жалили, убивали волю, делая меня во сто крат слабее. Если он убил отца, опытного военного, как же мне справиться с ним? Пускай отец ранил его – я не смогу даже этого. Я не воин!

В смятении я осел на колени. Схватился руками за лицо, крепко сжал голову. Отчаяние – вот что сейчас владело мной безраздельно, не давало даже повысить голос.

Человек направился к нам. Он шел медленно, наслаждаясь победой, в которой и прежде не сомневался.

– Какие же вы, люди, слабые, – устало говорил он, и звук его шагов становился все громче и громче. – Даже он не смог причинить серьезного вреда, а ведь по земным меркам наверняка попадал в тысячу сильнейших.

Даша уже не могла терпеть боль, она жалобно скулила, свернувшись калачиком. А человек все шел и шел, становясь ближе... И с каждым пройденным им шагом страх во мне усиливался.

– Ле-ша... Леш-ш-ша... – доносилось со спины.

Не помня себя, я повернул голову. На земле лежала моя невеста, та, которую я собирался любить до конца своих дней.

Жалобный, забившийся в далекий уголок сознания комок ужаса – вот кем я сейчас был. И этот животный страх вызывало присутствие человека, похожего на наркомана, тощего, не имеющего мышц, наверняка ни разу за свою жизнь не бывавшего в спортзале.

Так почему же мне так страшно? Почему я не могу побороть это чувство?

Еще минуту назад мы бежали, пытались выбраться из парка и, даже понимая, что отец скорее всего мертв, я продолжал нас вести. Но сейчас, когда ОН рядом, противиться ужасу невозможно.

– Кто ты? – я сам не понимал, как смог выговорить это.

– Для вас я – Бог, – слегка удивленно ответил человек. Он не ожидал, что мне удастся вымолвить хоть слово!

Вдруг я ощутил нечто странное... Это было ни на что не похоже. Просто чувство, что в нашем преследователе засело нечто, не поддающееся разумному логическому объяснению. Призрак, мираж, существо, завладевшее чужим телом.

Страха нет...

Это такая же иллюзия, наваждение.

Страха нет.

Это существо заставляет меня бояться.

Страха нет!

Я поднялся с колен и встал перед незнакомцем, пытливо глядя в его глаза, подчеркнутые пеленой.

Где-то там, глубоко внутри, в нем билась живая душа, сознание. Все остальное было во власти сущего демона с горящими красным пламенем глазами.

– Ты не Бог... ТЫ – НЕ БОГ! – взревел я.

Хлесткий удар привел меня в чувство. Реальный мир бесцеремонно ворвался в жизнь, раскалывая сновидение на куски и растворяя их в небытии собственного разума. Осколки таяли, а перед глазами сначала смутно, а потом все четче и четче вырисовывалось лицо Алисы.

– Кто не бог? – спросила девушка, глядя в мои ошалевшие глаза.

– Никто. В этом мире нет богов.

– Кошмар приснился? Как тогда, в машине?

Я угрюмо покачал головой.

Алиса была в одной рубашке. Моей. Длины хватало как раз, чтобы слегка прикрыть обнаженную фигуру девушки. Заметив мой заинтересованный и одновременно оценивающий взгляд, она вспыхнула и, смутившись, упорхнула в коридор.

Только сейчас я обратил внимание, что на кухне скворчит яичница, а с другой стороны – из ванной комнаты – доносится шум воды. По всей квартире витал аромат свежесваренного кофе.

– Ты прости, не люблю надевать ношеную одежду, – извинения прозвучали из ванной комнаты. – Вот, взяла твою рубашку.

– Я совсем не против, будь как дома.

– Ой, и последи за яичницей! Кажется, она пригорела...

Даже странно как-то – понимать, что живая женщина готовит тебе завтрак. Когда такое было последний раз? Когда здесь жила Даша... Давно... много лет назад.

На предложение проследить за яичницей я опрометчиво кивнул и тут же понял, что сглупил:

– Хорошо. А где ты взяла яйца? Я думал, в холодильнике мышь повесилась.

– Так и есть! – задорно ответил Алиса. – Это все, что я там нашла, даже хлеба нет.

Она вроде говорила что-то еще, но слова заглушил шум неизвестно откуда взявшегося фена. Он ревел как двигатель старого самолета, давно пора выбросить. И я, конечно, так бы и сделал, если бы подозревал о его существовании. Не самолета – фена, конечно.

Подцепив вилкой яичницу с плюющей маслом сковороды, так чтобы она не развалилась на ошметки, переместил ее на тарелку, а затем погасил газ под конфоркой. Разделил приблизительно на две равные части и отправил на тарелки с золотым ободком. Достал столовые

приборы: рядом с одинокими вилками легли ножи. В очередной раз подивился эстетичному зрелищу.

Сваренный в турке кофе разлил по чашкам, блюдо, к сожалению, не нашел. Зато сахар остался, кажется, со времен второй мировой... Одна целиковая глыба, которая немедленно была беспощадно раздавлена скалкой, так что теперь можно даже использовать чайные ложки, чтобы сделать кофе более приятным на вкус.

Алиса появилась неожиданно. Я даже на месте подпрыгнул. Смеющиеся глаза так и норovali поддеть нерадивого хозяина. Она к этому времени уже переделалась во вчерашнюю форму.

– Заедем сегодня ко мне, надо сменить гардероб.

– Как у вас все сложно, – покачал я головой, доставая из-под стола табуретку и усаживаясь на нее.

– Сама порой не рада, – вздохнув, Алиса опустилась на стул. Мебель в моем доме не могла похвастаться сходством: все предметы были из разных комплектов. А что-то так вообще осталось еще после университета и при использовании издавало жалобные стоны-скрипы. Сходить в «Икею» так и не удосужился.

– Приятного аппетита! – вежливо пожелала она, и мы принялись за завтрак.

В больницу приехали рано. У входа в палату стояли двое мужчин, облаченных в черные костюмы поверх белых рубашек. При взгляде на Алису они, не задавая лишних вопросов, расступились в стороны.

Перенесшая сердечный приступ Марина Ивановна лежала в кровати. Безжизненные глаза и темные круги под ними говорили о том, что она не спала по меньшей мере двое суток. На тумбочке стоял так и не выпитый холодный чай с присохшей к ободку чашки ниточкой от паке-тика. У женщины не то что аппетита – элементарного желания жить не было.

– Здравствуйте, – приветливо поздоровалась Алиса.

Марина Ивановна вяло повернула голову и без всякого любопытства посмотрела сначала на Алису, а затем и на меня.

Интересно, она знает, что это я убил ее мужа? И, как следствие, сына тоже?

– Опять допрос? – в безжизненном голосе звучала усталость. Кажется, за последние дни она постарела лет на двадцать.

– К сожалению, да, – печально ответила Алиса.

Женщина приподнялась, устраиваясь поудобнее на спинке кушетки.

– Я могу повторить только то, что уже сказала вашим коллегам.

– И все-таки... они могли упустить какие-то нюансы...

– Хорошо. Спрашивайте, – покорно кивнула Марина Ивановна. – Надеюсь, это поможет поймать убийцу моего сына.

При этих словах у меня внутри все задрожало. Пускай я понимал, что происшествие с мальчиком – трагическая случайность, это все равно не давало мне покоя. Как ни крути, а курок спустил я.

– Расскажите, как все случилось... Как вы попали в больницу?

– Мне сделалось дурно, сердце защемило, и муж отвез меня в приемный покой. Он тогда был нормальный, не практиковал. Меня быстро госпитализировали. Неделю они с сыном навещали меня, и соседи тоже. А потом вдруг куда-то исчезли. Я пыталась звонить домой, связаться со знакомыми. Никто не брал трубку. Родственники далеко, никакой возможности приехать и проверить, что стряслось. Но такого ведь не могло быть, чтобы сразу все забыли меня...

– И тогда вы позвонили в отделение ИМП?

Марина Ивановна кивнула.

– Да, и они сообщили, что проверять поедет оперинженер.

– Ваш муж или сын общались с пробудившимися?

– Нет, если такие и есть среди знакомых, то они вполне законопослушны.

И тут вмешался я:

– Марина Ивановна, скажите, вы знаете пожилого человека, курящего крепкие сигареты? Дело в том, что ваш сын был под чужой волей, и когда... когда оперинженер прибыл на место, то нашел Никиту курящим «Беломор».

– Мой мальчик никогда не курил! – голос женщины гневно задрожал.

– Знаю, знаю... – поспешил я успокоить ее. – Но воздействие чужой воли иногда оставляет отпечаток привычек того, кто наложил заклинание. В нашем случае курение – привычка мага, зачаровавшего Никиту.

– Муж иногда курил... но обычную «Яву». Хотя месяц назад я видела у него пачку «Беломора», но не придала этому значения.

– Значит, контакт мага с вашим мужем состоялся задолго до происшествия... – задумчиво произнес я. А потом спросил: – Постарайтесь вспомнить, кто из родных или близких, может, соседей имел подобную привычку? Скорее всего, это человек в возрасте, лет за пятьдесят, обладает незаурядным умом.

Женщина задумалась, а потом ее глаза ожили, она словно увидела всю картину целиком.

– Проф... про... – фраза оборвалась на полуслове.

По ее телу пробежала судорога, лицо исказилось, ноги и руки задргались в конвульсиях.

– Врача! – закричала Алиса. – Скорее врача!

Вбежавший спустя пятнадцать секунд доктор с медсестрой опытным взглядом окинул Марину Ивановну и приказал готовить реанимацию. Медсестра пулей вылетела из палаты.

Мы с Алисой встревоженно переглянулись.

Прошло около получаса, прежде чем поступили первые известия, они же оказались и последними:

– Остановка сердца, – заключил врач.

– Как-то неожиданно...

– Полностью с вами согласен, гражданин инженер! Ее заколдовали, это ясно как божий день. Наши медмаги не смогли вовремя снять проклятие. Сожалею.

– Понятно. Спасибо, доктор, – поблагодарил я.

Марина Ивановна воссоединилась с семьей. По крайней мере, я на это надеюсь.

С силой ударив в дверной косяк кулаком, грубо выругался. Магу снова удалось заметить следы. Но как? Как он умудрился наложить проклятие на таком расстоянии? Палата на пятом этаже. Вход в больницу охраняется, всех врачей, контактирующих с пациенткой, проверили, установили барьеры, начертили пентаграммы-детекторы, которые сразу сработали бы, начни кто-нибудь произносить враждебное здоровью заклятье. Маг просто не мог проникнуть в палату!

– Леша... – голос Алисы прервал мои невеселые размышления, я нехотя повернулся в ее сторону.

Девушка смотрела в окно, точнее, на букет белых лилий, стоявший в вазе на подоконнике.

– Как он сюда попал? – недоуменно спросил я и подошел ближе.

На одном из лепестков красивого цветка еле заметно была нарисована пентаграмма. Умело так, при первом осмотре и не отличишь узорчатый круг почти такого же белого цвета от текстуры лепестка.

Алиса быстро вышла прочь, из-за двери послышался властный голос, привыкший отчитывать подчиненных. Словно не она была девчонкой на побегушках у департамента, а совсем наоборот – департамент подчинялся ей.

– Кто входил в палату?

– Никто, кроме медперсонала и главного врача! – четко по-уставному ответил ей охранник.

– Тогда откуда здесь, черт тебя дерит, заколдованный букет лилий? – в бешенстве выкрикнула она.

Даже стоя за дверью, я отчетливо представлял, как опытный охранник, скорее всего обладающий силой не ниже четвертого класса, мнетя, словно школьник у доски, не выучивший домашнее задание.

– Выяснить! Живо! Поднять записи с камер наблюдения, изучить все зафиксированные проявления силы!

– Во всей больнице? – испуганно спросил другой.

– Во всей! За всю последнюю неделю!

– Но... это же столько времени...

– Выполнять, – тихо прошипела она, и это было гораздо страшнее предыдущих криков.

Мы сидели в автомобиле. Молчали. Оставалось последнее: проверить, с кем контактировал вчерашний патологоанатом. Его должны были опрашивать ищейки департамента. И сдастся мне, они ничего не найдут, как и камеры видеонаблюдения не покажут, кто принес лилии в палату.

«Дьявол прячется в мелочах», – вспомнилась старая поговорка. А мелочи департамент подмечает крайне редко. Поэтому надо дождаться сводки и изучить рапорт самому.

Гробовую тишину прервал звонок мобильного:

– Леша, доложи обстановку! Виталик тревожится, – это был Горыныч.

– Женщина мертва. Остановка сердца, – мрачно ответил я шефу.

– Черт! – гневно раздалось из трубки. – Вы успели хоть что-нибудь узнать?

– Кажется, она знала мага... В самом конце поняла, кто это. Но сказать не успела, – досада когтями раздирала сердце.

– Ясно, – вздохнул Горыныч. – Ладно, у нас вызов. Виталик пришлет координаты эсэм-эской, езжайте проверить. Глядишь, к вечеру что-нибудь раскопаем, – на обнадеживающей ноте закончил шеф и отключился.

Телефон тут же пропиликал: пришло сообщение.

– Есть новости? – спросила Алиса.

– Никаких. Шеф дал задание, надо ехать. Ты можешь отправиться домой, переодеться. Обещаю, что не сбегу. Если честно, мне больше некуда рваться. Все пути отрезаны.

– Сказов, не понял еще? Пока висит это дело – мы вместе, – Алиса вставила ключ в зажигание. Мотор затарахтел.

Я покачал головой. Вместе так вместе. Хоть не на своих двоих по городу мотаться.

– Алиса, – вдруг произнес я и сделал паузу. – А кем ты работаешь на самом деле?

Судя по самодовольной ухмылке, сообщать мне правду она явно не собиралась, но все же ответила:

– Твоим надзирателем.

Машина сорвалась с места, словно гоночный болид. Координаты, которые прислал провидец Виталик, вели на Толбухин маяк. Что ни говори, а новость препоганейшая. Мало того, что придется до Кронштадта по пробкам ехать, так еще и лодку искать, без которой до этого богом забытого острова с маяком просто не добраться! И тянет же всяких идиотов организовывать секты в отдаленных местах! Думают, что спрятались, а на самом деле наоборот – как на ладони.

– Куда едем?

– Плыдем.

– Что?? – Алисе показалось, что она ослышалась.

– Толбухин маяк, – пояснил я.

– Твою ма-а-ть... – протянула она.

– Вот и я так думаю. Наверняка шеф не просто так выбрал самую задницу мира – хотел меня делом занять.

Смирившись с неизбежностью того, что ехать, а затем и плыть все-таки придется, Алиса спросила:

– Что там?

– Очевидцы утверждают, что маяк светится ночью всеми цветами радуги, – немного переформулировав краткую сводку из сообщения Виталика, объяснил я. – Заявлений поступило сразу несколько, поэтому сначала допросим кого-нибудь в Кронштадте, а затем отправимся проверять.

Четыре часа! Столько ушло времени, чтобы добраться до западной оконечности острова Котлин. Дорога становилась все уже, машин все меньше. Последние жилые дома остались далеко позади.

Наконец мы уперлись в синие ворота с предупреждающей табличкой «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА». Все, впереди только заброшенный форт Риф, а нас так никто и не встретил.

Словно почувствовав мое недоумение, на помощь пришел Виталик.

– Леша, добрались? – спросил он сходу и, рассмеявшись, сам же ответил: – Знаю, что добрались. Стойте у ворот, вас должны встретить.

– Хорошо, – ответил я, и в трубке раздались короткие гудки, видимо, Виталик уже звонил нашему провожатому.

Глядя в окно машины, я поежился. Даже сейчас, посреди лета, здесь дул пронизывающий до костей ветер, а что будет на берегу вообще представить трудно.

Алиса поинтересовалась:

– Он что, провидец?

– Именно. И порой жутко бесит меня этим.

– Считаешь, это плохо, когда кто-то может ощущать твоё настроение, знать, где ты находишься, не имея под рукой электроники, и помочь в случае опасности, даже если ты оказался в полном тупике?

– У каждого есть то, что он не хотел бы показывать миру. Провидцы же могут вскрыть, вывернуть тебя наизнанку. Они не ведают границ. Понимаешь? Виталик напрочь лишен этичности. Став провидцем, он попросту забыл, что это такое.

– Этого требовала ситуация. Но сколько жизней он спас?! – начала спорить рыжая.

Да. Работы у него много. И могу поклясться, что каждый день он использует силу, чтобы отыскать пропавших без вести, определить, есть ли живые под завалами, найти потерявшегося в лесу ребенка, выделить в толпе людей маньяка с ножом.

Много плюсов. Он один заменяет целый отряд спасателей. Но Виталику все равно, смущает тебя его всеведущность или нет. Он без приглашения может ворваться в твой разум, чтобы покопаться в нем, ты и не заметишь, как тебя исследовали, словно подопытную мышь. С появлением провидцев у каждого человека на Земле исчезла его внутренняя свобода. И это, пожалуй, тот минус, который перекрывает большинство плюсов.

Алиса помолчала в ожидании ответа, но, поняв, что я не собираюсь спорить, на полном серьезе спросила:

– Ты ненавидишь их, да?

Я уставился на нее.

– Я имею в виду всех пробудившихся, даже тебя самого. Тебе не нравится то, что случилось с миром?

Что я мог ей ответить? Перемены отняли у меня слишком много. Люди начали сходить с ума и убивать других людей.

– Революция – это всегда море крови, – только и сказал я.

– Согласна. А ты не думал, что у всего этого есть иная цель? Высшая. И что потом все будет нормально. Лучше, чем до перемен, лучше, чем сейчас и вообще когда-либо.

– Ты знаешь, куда это приведет? – горячо спросил я. – Новый мир строится на костях – это дерьмовый фундамент. Если честно, да, я ненавижу все это. И хотел бы вернуть старое, то, что было прежде. Но не могу.

Девушка опустила голову, словно чувствовала себя виноватой в случившемся. Она не знала, что ответить. На свете всегда будут те, кто за, и те, кто против. Я отношусь к последним. Она, видимо, нет.

Неожиданно раздавшийся стук заставил нас обоих вздрогнуть. Хороши служители закона, позволили незаметно подкрасться к себе. Рядом с моей дверью стоял облаченный в легкую грязноватую ветровку, рыболовные штаны и галоши бородатый старик лет шестидесяти. Он с любопытством разглядывал нас, словно какую-то диковину.

– Добрый день! – спохватившись, вставил он и поправил съехавшую набок шапку.

Говор выдавал в нем простака, недавно переселившегося из глубинки. Вероятно, он и инженером-то никогда не видел, а если узнает, что Алиса из департамента, высшего органа власти, занимающегося непосредственно магией, вообще дар речи потеряет.

– Здравствуйте, – жизнерадостно поздоровалась девушка, вылезая из салона, и представила нас обоим: – Меня зовут Алиса, а это оперинженер пятого класса Алексей Сказов.

Мужчина смущенно снял только что нахлобученную шапку и смешно прижал ее к груди обеими руками.

– Меня Петром звать, – робея еще больше, сообщил он.

– Петр, это вы оставили заявку в ИМП? – спросил я.

– Э... никак нет, товарищ инженер! Это моя жена, Любка. Тут прежде сын наш жил, да недавно сам в Петербург переехал, а нас из деревни нашей сюда в домик заселил. Говорит, тут лучше живется. И я-то с ним согласен! Тут и рыбачить куда как сподручней, чем на старом месте. Да вот только дела всякие темные творятся... Ох, не от Бога это, – испуганно произнес Петр. – Вы уж простите, если зря побеспокоили.

– Правильно сделали, что позвонили! – смешного старичка вдруг стало жалко, и я решил добавить ему уверенности.

– Я-то новости смотрю, там и говорят: «Видите что-то необычное – тут же звоните!» Но сразу-то не догадался, что надо быстро действовать. Неделя аж целая прошла. Маяк светился – то желтый, то синий, то розовый, мы с женой поначалу любовались. Красиво... как вдруг дурно с ней сделалось, правда, потом прошло! Она у меня крепкая. А как малость ее отпустило, она и велела номер записать из новостей, теперь он у нас приколотый на стене висит!

– А с вами, значит, дурно не сделалось? – с любопытством спросил я.

– Со мной нет, по мне – горит он и горит, дела делать не мешает. Да и Любке моей теперь тоже все равно, – ответил старик.

Я посмотрел на Алису, но та и сама догадалась, что престарелых супругов пора отправить на маг-перепись населения. Какие-никакие, а силы просыпаются.

– Петр, а где ваш дом стоит? Вон тот, самый ближний к маяку, я прав?

– А то! Конечно! У нас и вид шикарный – заглядишься, не то что у соседей.

Значит, колдовали на Толбухине, да не просто баловство какое-то, а серьезные заклинания. Вот только не учли, что излучение до ближайших жителей долетит.

– Вы не знаете, откуда лодки часто плавают?

– Никак нет. Одна-единственная отсюда ушла да так там и стоит, ее с берега видно. Только не лодка, а маленький катерок. Я рыбачу часто, потому и знаю.

– Давно ушла?

– С месяцок где-то... и что там делать столько? – удивленно воскликнул старик. – Маяк, говорят, давно заброшен. Работает в автоматическом режиме. Мы тут два года живем, так на него люди всего пару раз ездили – проверить приборы.

– Понятно. Спасибо, Петр.

Чувствую, старик не ошибся. Дела там творятся серьезные. Интересно, сколько людей на остров отправились? Справимся ли мы со всеми? Может, из штаба подкрепление запросить?

– Что думаешь делать? – окликнула меня Алиса.

– Подкрепление надо. Если это катер, пусть и небольшой, то сейчас на маяке человек семь как минимум.

– И ты считаешь, вдвоем мы не справимся?

– Отчего же. Если вспомнить, что ты сделала с моей машиной... справимся.

– Машина твоя уже в прошлом. Смирись и забудь, – Фыркнула девушка и обратилась к старику: – Петр!

Пока я набирал Виталику сообщение, старик усердно вслушивался в каждое слово рыжей бестии.

– А не подкинете нас до островка? – спросила она.

– С радостью, милая. Конечно отвезу, коли надо, – оживился он, похоже, обрадованный тем, что в его жизни происходило какое-никакое, а событие.

Лодка у Петра шикарная! Пусть и маленькая, до настоящего катера ей далеко, однако мотор не каких-то жалких десять лошадиных сил, а все сорок. В уголке аккуратно сложены рыболовные снасти, алюминиевое ведро, два спиннинга, сеть. Спасательные жилеты, как и положено, под сиденьями, ровно пять штук. А в случае шторма даже поднималась крыша, которая сейчас была откинута назад. Посудина была чистой и опрятной, словно только что из магазина.

Мы уселись на свои места. Алиса была на восьмом небе от счастья, вероятно, любила плавать, и с интересом наблюдала за всеми мельчайшими подробностями, как любопытный ребенок.

– «Неман» последней модели! – с гордостью произнес старик, заметив, что мы любуемся судном. – А вы рыбачите?

– Никогда не плавала! – вдруг поразила нас Алиса. А поймав мой подозрительный взгляд, будто оправдываясь, добавила: – Что? Правда, никогда!

Чтобы человек за всю свою жизнь ни разу не поплавал на лодке – вот уж не поверю, фантастика какая-то.

– И родители в детстве не катали? – изумленно спросил Петр.

– Нет. Они вообще-то далеко... и там, где я выросла, нет лодок.

– А реки есть, озера?

– Есть. Но лодок нет, – улыбнулась девушка.

– А вы, молодой человек? – не поверив словам Алисы, Петр переметнулся на меня.

– Доводилось. И потому могу сказать, что ваша лодка хороша!

Старик был доволен комплиментом. Закончив отвязывать веревку, он аккуратно уложил ее на дно, оттолкнул лодку, чтобы днище не чертило по песку, и, несмотря на свои годы, лихо запрыгнул внутрь.

– Отец, наверное, катал? – предположил он.

Я молча кивнул. Давно это было. Еще до университета, классе в восьмом. Тогда еще была жива мать. А потом... потом все как-то резко поменялось.

Мы стремительно неслись к маяку, где, предположительно, засела группа практикующих магов-самоучек. И вдруг на середине пути Петру стало плохо. Он схватился одной рукой за ребро, другой за голову.

– Ой... что это я... – тяжело вырвалось из его груди.

Алиса настороженно смотрела на старика. Сухие жилистые руки тряслись, уверенная хватка пропала, и теперь лодка на полном ходу шла вперед, никем не управляемая.

– Алиса! – крикнул я, а сам, нырнув за спину старика, перехватил управление.

Но девушка не слышала меня, она пристально смотрела куда-то вглубь, выискивая причину недуга, столь резко подкосившего Петра. А затем глаза ее полыхнули бирюзовым. Что при этом испытал старик, не знаю, но спустя несколько секунд все пришло в норму.

– Спасибо, дочка... – отозвался Петр.

– Не за что. Все-таки надо было вам сразу же звонить, как только этот маяк начал светиться! – сказала она, а затем попросила: – Леша, останови лодку.

Я не знал, почему она решила остановиться на полпути, но послушно выполнил просьбу.

– Дальше мы сами.

– Чего? – я с изумлением смотрел на нее во все глаза.

– Того! Нельзя ему с нами до острова. Маяк плохо влияет. Я поставила барьер, но он долго не продержится.

– И как ты думаешь преодолеть остаток пути? – недоуменно спросил я.

Но Алиса и не собиралась отвечать: вместо этого перекинула ногу в туфле на высоком каблуке за борт, потом вторую.

Ладно мне такое видеть – выдержу, молодой еще. Но вот со стариком, поспешно начавшим креститься, так лучше не шутить! Алиса стояла на морской глади и тонуть ну совершенно не собиралась.

– Чудо... – выдохнул ошалевший от невиданного зрелища старик.

– Охренеть! – добавил я.

Алиса уперла руки в бока и словно ожидала чего-то.

– И?

– Вылезай, – совершенно обыденно произнесла она.

– Алиса, я уже понял, что вы там, в департаменте, шишки крутые... но... я так не умею, – моя тирада закончилась нервным смешком.

– Тебе и не надо, сама все сделаю. Просто держись за руку.

Судорожно сглотнув, медленно протянул ей руку. Она крепко схватилась за нее. Осторожно перенесла одну ногу, убедился, что вода держит, словно асфальт, – надежно и крепко, хотя и покачивает в разные стороны. И только после этого нехотя опустил вниз другую.

Чувство было такое, что шагаешь по краю крыши высотного дома, а друг придерживает тебя на всякий случай. И где-то внутри ты постоянно опасаясь, что вот сейчас он пошутит – дернет руку или неожиданно закричит, так что ты от страха штаны обмочишь, а потом и вовсе проклянешь такие прогулки.

– Спокойнее, инженер, – рассмеялась Алиса.

Смерил ее почти ненавидящим взглядом.

– А может, наших дождемся? – не выдержал напряжения.

– Да тут идти-то осталось... – отмахнулась рыжая.

А затем обратилась к Петру, который смотрел на нас как на святых:

– Петр! Не волнуйтесь, я знаю, вы человек крепкий, выдавший виды. Но вам, к сожалению, пока лучше держаться подальше от этого маяка. Плохо он на вас влияет на близком расстоянии. Вот с берега – пожалуйста, оттуда он безопасен. Так что заводите мотор и плывите назад. Нас ждать не нужно, сами выберемся. Благо на том островке есть на чем. Хотя мы и без лодки сможем... – она снова рассмеялась.

– Знаешь, милая, а теперь я, кажется, тебе поверил, – вдруг сказал старик. – У вас действительно не было лодок.

Несмотря на шоковое состояние, я про себя отметил – ошибается старик: когда Алиса была маленькой, магии в этом мире еще не было. Но портить впечатление не стал.

Петр послушно завел мотор и отправился назад. Думаю, домой он сегодня вернется поздно: глаз от маяка не оторвет, пока мы оттуда не уйдем.

Посреди Финского залива остались стоять на воде две одинокие фигуры. Если бы мне кто прежде сказал, что одной из этих фигур буду я, – счел бы за шутку.

– Ты понимаешь, что он тебя теперь будет принимать за божество?

– Тоже мне, божество! – фыркнула рыжая. – Обыкновенная ворожба. Я думала, в ИМП и не на такое способны.

– Нет. Не способны. Никто. Даже исследований в этой области не ведем.

– Зато теперь будет чем с коллегами поделиться. Ну что, пойдём?

Я кивнул. Хотелось спросить: а что будет, если попрыгать? Но тут же передумал, представив эту картину в голове. А вдруг вода не выдержит? Тогда что же, вплавь?

Первые несколько шагов Алиса позволила сделать медленно, приноровиться, а потом мы ускорились. Спустя пару минут неверие улетучилось, и наша прогулка стала похожа на совершенно обычную. Так ходят парочки по Невскому, крепко взявшись за руки. Увидели бы это романтические натуры, душу бы продали. А служители церкви – сожгли на костре за святотатство.

– Хорошо, что нас никто не видит, – вырвалось у меня.

– Почему?

– Ну, если ты не знала, по воде ходили святые. Это считалось в древние времена чудом. А сейчас, выходит, мы вроде как насмехаемся над религиозностью, проделывая такие вещи.

Алиса пожала плечами. Эта девчонка будто с другой планеты. Вот на что способны обладатели силы седьмого класса.

Почувствовав под ногами привычную почву с камнями и булыжниками, я облегченно вздохнул. Прогулка оказалась безопасной, но внутри все так и выло от напряжения, хотя прошли-то всего ничего, полторы мили.

– Если сектанты тут – уничтожу всех и заберу это дырявое корыто. Ну а никого не найдем – корыто все равно мое! – пробурчал я, осматривая небольшой катерок.

Алиса звонко расхохоталась. Я хотел было последовать ее примеру, но в окне появилась злобная физиономия, внезапно напомнившая о том, зачем мы, собственно, сюда явились. Хоть человек нас и не заметил, я инстинктивно схватился за пантакль. Ощутил силу, готовую в любой момент влиться в хозяина. В голове всплыли стандартные боевые мантры, прошептав которые, я стану сверхчеловеком. Правда, на короткий отрезок времени, но все же.

Территория острова была небольшой. Двухэтажный дом, пристроенный к маяку, двор и несколько сараев. Теперь я явственно ощущал, как он излучает энергию. Источник был где-то наверху, вероятно, там, где находится главный прожектор.

Мы осторожно пересекли двор, попутно заглянув во все сараи, зашли в пристройку и обыскали ее.

Никого.

Подожли к главному входу. Замерли, прислушиваясь.

За дверь тихо.

Достав из кобуры пистолет, осторожно толкнул дверное полотно. С легким скрипом, словно подчиняясь порыву ветра, дверь подалась вперед. Алиса стояла напротив. Впускать ее первой мне не хотелось: как-то невежливо, девушка все-таки, пускай и сильнее меня самого.

Шагнув внутрь, огляделся. Сверху доносилось назойливое гудение, прямо под ногами деревянная заслонка – возможно, вход в подпол. Винтовая лестница, кружа голову, уходила вверх.

Алиса вошла следом.

– Смотри, – сказала она, указывая на несколько пар ботинок.

Все разного размера, покрытые засохшей грязью, словно по трясине в них ходили. На крючках висели ветровки, обыкновенные такие, недорогие. На любом базаре можно приобрести за сущие копейки.

– Шесть пар, ветровок столько же, – тихо ответил я и пальцем указал вверх.

Стараясь издавать как можно меньше шума, мы двинулись дальше. Дуло пистолета смотрело в пол, на груди болтался пантакль. Словно две рыси, мы крались в поисках добычи.

Странно, но, кроме гудения, никакого постороннего шума. Также не видно и защитных пентаграмм. Горе-маги решили не страховаться.

Проверив все пять этажей, мы не обнаружили ни одной живой души. Но такого просто не могло быть: мы отчётливо видели человека в окне, не мог же он пригрезиться сразу обоим?

Оставался последний этаж. Когда мы оказались у входа, гудение возросло в несколько раз.

– Я первый, ты страхуешь, – прошептал я.

Алиса кивком дала понять, что будет настороже.

А потом я прошептал легкое заклинание – защитную мантру. Пантакль послушно направил мне необходимую энергию, которую я с помощью слов преобразовал в нечто необыкновенное, не поддающееся логическому объяснению. В результате мое тело стало почти неуязвимым, правда, только на короткие несколько секунд. Меня нельзя было убить из пистолета или завлечь в капкан: все механизмы в радиусе нескольких метров были выведены из строя, за исключением моего оружия. Такая вот мантра.

Вообще, любое колдовство – это изменение энергии. Именно она и появилась на Земле шесть лет назад, как, к примеру, электричество. За тем исключением, что последнее было всегда. Изначально энергия находится в непреобразованном виде, и только с помощью мантр, пентаграмм, пантаклей и прочей эзотерической хреновины можно подчинить ее своей воле, заставить быть такой, какой она тебе нужна. Мой пантакль – проводник, он облегчает ей выход, а мантра – преобразовывает, меняет, подчиняет.

Бешеным прыжком я ворвался на самый верхний этаж маяка и... встретил абсолютную пустоту! Все было в полнейшем порядке, кроме огромной пентаграммы, нарисованной на потолке.

– Алиса, – позвал я девушку, которая, оказывается, уже была за моей спиной.

При виде начерченного круга с пятиконечной звездой и непонятными нормальному человеку знаками внутри Алиса побагровела от злости. Она знала эти символы. И понимала, для чего создано такое «произведение искусства».

– Ты знаешь, что это, – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Да, знаю, – коротко отрезала она, внимательно осматриваясь кругом.

Обнаружив баллончик с краской, которым, скорее всего, и сделали звезду, начала подрисовывать некоторые символы.

– Что ты делаешь? – спросил я.

– Меняю свойства. Этот маяк – аккумулятор, как твой пантакль. Он черпает энергию извне, только гораздо больше! Изменив символы, я заторможу процесс.

– А почему бы нам просто не уничтожить ее?

– Потому что сначала надо найти место, куда эта энергия поступает. Скорее всего, это подвал. Помнишь, на первом этаже была деревянная дверь?

– Я подумал, что это вход в подпол...

– Скорее всего, здесь есть подземный этаж. Скоро маги поймут, что что-то не так, и пойдут проверять. Мы их схватим и допросим.

– Всех? – вопрос прозвучал весьма дипломатично.

– Постарайся не убивать... мне нужны ответы, – Алиса была серьезна как никогда.

И мы направились вниз – сторожить подпол, который служил входом в подземный этаж. Монотонное гудение сводило с ума, а потому я был рад сменить обстановку. Наша позиция оказалась выигрышной: единственный выход – дверь в полу, а вылезать оттуда можно только поочередно. Все проще простого!

– Алиса, что это за пентаграмма? Для чего они собирают энергию?

– Это закрытая информация, прости...

– Департамент ведет свои расследования?

– Да. Только они гораздо серьезнее, чем бытовые преступления.

Бытовые?! Оперинженеры лезут в самое пекло, подставляя свои головы. У нас в отделении смертность десять процентов в год! Какие, к черту, бытовые?

– Не злись, – вдруг мягко добавила Алиса. – Знаю, ты думаешь, что твоя работа опасна. Так оно и есть. Но мы расследуем дела на глобальном уровне. И, учитывая ту пентаграмму наверху, сейчас ситуация более чем серьезная!

– Но даже если это обыкновенный аккумулятор, зачем им столько энергии?

Рыжая бестия вздохнула, но все-таки сдалась:

– Это не просто аккумулятор. Он берет силу для «коридора», а вход в него где-то там, – она указала рукой на потайной лаз.

– И куда ведет этот «коридор»?

– Не важно. Главное – остановить практикующих. И еще, раз они смогли овладеть подобным мастерством, значит, отнюдь не новички.

– А ты не думаешь, что они прямо сейчас уже заканчивают? – спросил я.

– Нет. Тогда бы прекратилось гудение.

И как назло, словно черт сглазил, в помещении воцарилась полная тишина. Звуки теперь доносились только снаружи: гулял ветер, волны бились о камни, кричали чайки.

– А теперь можно паниковать?

Алиса, секундой прежде смирно сидевшая на ступеньках лестницы, сорвалась с места как ужаленная. Я удивленно смотрел на девушку, не понимая всей серьезности происходящего.

– Скорее! – крикнула она, дергая за дверь, ведущую в подпол. Та не открывалась.

Теперь нам самим надо было попасть внутрь. Во что бы то ни стало. Однако мое стремление словно парализовало. Не знаю, что послужило тому причиной, может, ее недомолвки. Кто же любит, когда от него что-то скрывают.

– Отойди, – велел я, хватаясь за пантакль и бормоча заклинание.

От досок, закрывающих доступ вниз, не осталось и мокрого места. Я вынес их ударом кулака, даже костяшки не поцарапал. За дверью, которую я поначалу принял за подпол, таился густой мрак, сквозь него с трудом угадывалась ржавая лестница. Ступени уходили вниз, но далеко не просматривались – метров пять, не больше.

Мы замерли в нерешительности. Спускаться вниз? А если прямо сейчас маги направляются назад? Все наше выигрышное положение сведется к нулю. Нас попросту расстреляют снизу заклинаниями.

Алиса сбросила с себя туфли – каблуки очень мешали, и решительно заявила:

– Я первая.

– Нет! – грубо оборвал я, когда ее босая нога коснулась лестницы. – Первым полезу я, и это не обсуждается, сколько бы силы в тебе ни текло.

– Но...

Она хотела возразить, однако я уже ввалился в вертикальный туннель, неизвестно, насколько глубоко уходящий вниз. Выражение моего лица, видимо, было таким, что девчонка не решилась спорить.

Лестница вела не иначе как в преисподнюю, к самому дьяволу. Так я думал, устало переставляя ноги с одной перекладины на другую. Свет давно померк, лишь крохотная яркая точка наверху говорила о том, что мы под землей. Спуск занял гораздо больше времени, чем я ожидал. Теперь хотя бы понятно, почему сектанты предпочитают не выходить: свихнуться можно, пока поднимешься и спустишься туда-сюда.

Наконец ноги почувствовали что-то мягкое, я несказанно обрадовался, что проклятая лестница закончилась. Воздух на удивление не был затхлым, это означает, что здесь есть вентиляция, только вот куда она, черт возьми, выходит? Неужели трубы поднимаются из воды и этого никто прежде не замечал?

Мои размышления прервала Алиса, которая неуклюже ухватилась за меня. Говорить мы опасались, и сейчас только частое дыхание девушки напоминало о ее присутствии, ну и прикосновения тоже. Вокруг ни зги не видно, хоть глаз выколи. Так, я думаю, и случится, если мы не найдем источник света или не поймем, куда нужно двигаться.

Однако одна из проблем разрешилась: девчонка пробормотала что-то на незнакомом даже мне наречии – и в воздухе над нашими головами загорелся белесый огонек. Она немного отдалила его, чтобы нас не могли заметить посторонние. Теперь, оставаясь в темноте и относительно безопасности, можно было разглядеть помещение, в котором мы оказались.

Это была своего рода пещера. Неровные обшарпанные стены уходили вверх метров на десять, когда-то давно, несколько десятилетий назад, их явно обработали вручную, орудуя киркой и лопатой. Под ногами каша из глины, камня и хлюпающей жижи. Светящийся шар Алисы, облетев все стены по периметру, наткнулся на арку. Это был единственный ход. А вот куда он вел, нам сейчас и предстояло выяснить.

Осторожно, используя только большие валуны, – Алисе было тяжелее, ведь ее обувь осталась наверху, – мы прыгали с одного на другой, пока не оказались у входа.

Шар отправился в глубь арки на разведку. И наконец, поняв, что возможные противники еще очень далеко, мы смогли перекинуться парой словечек.

– Что это за место? – спросила девчонка, как будто я был специалистом по подземельям.

– Понятия не имею, может, тайный проход к форту, а может, секретное убежище. Но то, что про него никто прежде не слыхивал, это точно.

– Надо идти дальше... Думаю, осталось недалеко. Будь готов и помни: нам необходимо взять заложника. Хотя бы одного...

Утвердительно кивать я не стал. Кто его знает, какие люди там засели и чем владеют. А потому просто пожал плечами.

Тоннель ровной кишкой тянулся дальше, прочь от маяка. Сложно представить, что сейчас мы находимся под толщей воды. Интересно, сможет Виталик нас найти, если случится беда? Хватит у него на это сил?

Мы миновали несколько замурованных дверей, за которыми прежде могло что-то находиться, и вдалеке засиял желтый свет. Алиса тотчас погасила свой шарик.

– Кажется, я слышу голоса, – произнесла она.

После ее слов мне и самому начали мерещиться звуки, отдаленно напоминающие человеческую речь. А когда мы преодолели еще часть пути, звуки обрели осмысленность: кто-то читал заклинание. Таких слов и выражений я никогда раньше не слышал, и это несмотря на то что проходил ежегодный инструктаж в ИМП и мог, правда приблизительно, определить, к какому типу колдовства относится то или иное заклинание.

К этому времени мы уже находились за спинами магов, приблизившись настолько, что могли разглядеть их. Каждый возле своего конца, они сидели у круга с заключенной в него шестиконечной звездой и, казалось, пребывали в трансе.

– Похоже, они все заняты, – прошептал я, глядя на Алису.

Лицо девушки выражало самую натуральную панику. Она явно боялась того, что здесь происходит, потому что знала, к чему это приведет.

– Алиса!

– Леша, надо скорее их остановить. Надо...

Договорить она не успела. Над пентаграммой возникло исполинское в сравнении с размерами комнаты сияние. Казалось, оно поглощает свет отовсюду, втягивает его, концентрирует в одной точке. Сияние становилось все плотнее и плотнее, пока не сделалось густым и осязаемым.

Шестерка магов затихла.

– Портал, – обреченно выдохнула девушка.

С замершим сердцем я наблюдал, возможно, самое красивое зрелище в своей жизни. Красивое, но, судя по поведению Алисы, смертельно опасное. И куда же ведет этот портал? На другой континент? В Кремль? Спрашивать у нее сейчас было бессмысленно. Нужно скорее расправиться с магами.

Однако маги не спешили им воспользоваться, они просто ждали. И тут меня осенило: этот портал открыт не для них, а для того, кто сейчас за ним. Они ждут гостя.

Я схватился за пантакль, выудил из памяти самое мощное заклинание и принялся читать мантру. Стараясь произносить слова тихо, содрогался от распирающей меня мощи, энергии, которая потекла по венам, усиливая мышцы, давая бешеную концентрацию и скорость рефлексов.

Мантра была длинной, непростительно длинной. Последние слова пришлось выкрикивать, ибо я не мог более сдерживать поток силы. Маги, увидев нас, заметались, но было уже поздно. Еще пять секунд – и от них ничего не останется.

Наконец я сорвался с места и, словно буйвол, ринулся в драку. Пистолет мне не требовался: я жаждал уничтожить врагов голыми руками. И первой жертвой стал ближайший ко мне заклинатель. Подбросив его в воздух мощным апперкотом с левой, правой рукой швырнул прямо на другого колдуна. Удар о стену – и оба уже больше никогда не придут в сознание.

В ярости повернулся к другому магу, стоявшему в стороне: легкая добыча. Ударная волна накрыла меня неожиданно – трое оставшихся колдунов не стояли без дела. Я полетел наземь, заклинание больно припечатало к острым камням, не давая подняться. И тут в игру вступила Алиса, о которой я совершенно позабыл в пылу драки. Она перемещалась по комнате быстро и неуловимо, как стремительное дикое животное. В один миг оказавшись за спиной троицы, хлестким ударом ноги свалила одного из них, ловко развернулась и ударила в подбородок другого.

В отличие от меня она не собиралась их убивать: ей необходимы объяснения. А я, даже пребывая сейчас в звериной шкуре, отчетливо понимал, чего хотелось лично мне. Ни справедливости, ни честного суда, ни задержания... Я жаждал мести за все, что отняли у меня гребанные колдуны, возомнившие себя богами!

Заклинание с чудовищной мощью давило на плечи, но ярость была сильнее. Вероятно, в этот момент я обезумел окончательно. Воздух трещал – это ломались чары. Медленно, но твердо я поднимался на ноги, чтобы прикончить стоящего впереди мага. Он с испугом взирал на меня, понимая, что не выживет, – это последние мгновения его жизни. И я бросился, как дикий зверь бросается на добычу, чтобы разорвать ее в клочья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.